

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.021
УДК 811.161'373.611 + 811.161'373.612.2 +
+ 811.161'282 + 81:39

Е. Л. Березович*
О. Д. Сурикова**

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

КТО ТАКОЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ *КАРАЧУН*? (СЛОВО, ИМЯ, ПЕРСОНАЖ)

Статья посвящена слову *карачун* (*корочун*), которое в восточнославянских языках (в том числе в русском) имеет богатый семантический спектр и развивает значения 'смерть (особенно внезапная и насильственная); тяжелые болезни', '«конец» как негативный результат, прекращение, исчерпание чего-л.', 'актор проклятий', 'злой дух'; значения, объединенные признаком «скрюченности, согнутости» ('кривоноготь, сутулость' — в белорусских говорах, 'сгорбленная поза, ползание' — в русских); значение 'скупец' и предметные смыслы — 'кривое дерево', 'старый веник' (белорусские говоры). Также *карачун* и его фонетические варианты имеют календарную семантику ('день зимнего солнцеворота', 'рождественские праздники (в целом)', 'рождественский хлеб', 'рождественское деревце' и др.), однако в русском языке календарный обрядовый термин представлен очень скухими фиксациями — он функционирует преимущественно в карпато-балканском ареале. *Карачун*₁ 'смерть и др.' и *карачун*₂ 'календарный термин', по мысли авторов статьи, восходят к двум гетерогенным омонимам: *карачун*₁ < праслав. **kъrĉiti* 'сгибать, искривлять, корчить' < **kъrĉь* / **kъrĉa* 'судорога, спазм, конвульсия', *карачун*₂ < ? алб. *kërcun* (< **karcun*) 'пень, чурбан, обрубок дерева'. Кроме того, в статье подробно рассматривается ономастическая «ипостась» слова *карачун*: из научной и популярной

© Березович Е. Л., Сурикова О. Д., 2023

литературы известен мифологический персонаж с таким именем, которому приписывается «статус» древнего славянского божества. Авторы доказывают, что такой персонаж — порождение «кабинетных» мифологов (исследователей XIX–XXI вв.) и результат не критичного отношения к источникам: на самом деле это герой (антагонист) романа М. И. Попова (1770), «растиражированный» еще в XVIII в. и особенную популярность получивший в лубочной сказке, откуда он мигрировал в устную народную традицию (но не стал в ней «активным»).

Ключевые слова: этимология; семантико-мотивационная реконструкция; историческая лексикология; история науки; восточнославянские языки; диалектная лексика; мифонимия; теонимия; фольклорный ономастикон; язык фольклора

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>.

Авторы выражают признательность *Т. А. Агапкиной, М. М. Валенцовой, А. А. Гиппиусу, Л. Кралику, А. А. Пичхадзе, И. А. Седаковой, С. М. Толстой, А. Л. Топоркову* за консультации при подготовке статьи.

О *карачуне* как знаке символического языка русской и других славянских традиций (имя мифологического / сказочного персонажа, часто связываемое с ним название важной календарной даты, обозначение ритуального предмета) и слове естественного языка с широким спектром значений (обозначение смерти, сильных неожиданных болей, сказочного злодея, кривоногого человека, скупца и др.) есть большая литература, причем интенсивность интереса, проявившегося в конце XVIII в., не ослабевает до последних лет. Из фольклористов, этнологов, религиоведов этим вопросом занимались П. Г. Богатырев, М. М. Валенцова, Й. Вархол, А. Н. Веселовский, М. Н. Власова, Т. В. Володина, С. Килимник, А. Киркор, К. Е. Корепова, А. С. Лызлова, Р. Г. Назиров, Н. В. Новиков, И. Панчовски, А. С. Петрушевич, И. М. Снегирев, М. Е. Соколов, Н. Ф. Сумцов, К. Сосенко, К. Я. Эрбен и др. Назовем только некоторые статьи, посвященные *карачуну* (и его инославянским «родственникам»), в энциклопедиях, энциклопедических и этнолингвистических (мифологических) словарях, имеющие обзорный характер и приводящие (в большинстве случаев) соответствующую библиографию: в русской научной традиции [ЭСБЕ, 16, 328–329; Иванов, Топоров, 1991; Валенцова, 1999; Власова, 1995], в украинской [Войтович, 2002; Жайворонок, 2006], в белорусской [Валодзіна, 2006], в болгарской [Барболова, 2020], в сербской [Кулишић и др., 1970]. Много написано о происхождении слова *карачун* и его соответствий в других славянских языках, а также в языках-источниках возможных заимствований: интерес к этому вопросу проявляли слависты, романисты, албанисты и финно-угроведы разных стран, в том числе Э. Бернекер, А. Вайан, В. Вондрак, Я. К. Грот, О. Денсусиану, А. В. Десницкая, А. Золтан,

Э. Калужняцкий, Н. М. Карамзин, Р. М. Козлова, С. В. Максимов, В. Мейер-Любке, Я. Мелих, Н. Л. Сухачев, Ф. Миклошич, В. М. Мокиенко, В. Э. Орел, П. Папахаджи, Л. Пинтар, Ю. В. Попович, А. А. Потебня, С. Пушкариу, А. Розетти, П. Скок, А. Б. Страхов, О. Н. Трубачев, М. Фасмер, Э. Чабей, П. Чучка, М. Цамай, А. К. Шапошников, Г. Шухардт, Р. Якобсон и др. Так, Н. Л. Сухачев насчитал 19 этимологических версий, посвященных не всем «карачунам», а лишь румынским [Сухачев, 2005, 287–288].

Что побудило нас снова обратиться к этой теме? Причин много, но основные таковы. Во-первых, некоторые фольклористы, этнографы, религиоведы и лингвисты (последние в меньшей степени) поддерживают своеобразный миф о *карачуне*, что в наибольшей степени проявляется в реконструкции (точнее, конструировании) «на кончике пера» (т. е. в «кабинетной» науке) бога и соответствующего ему теонима. Нужен источниковедческий анализ, чтобы подвергнуть ревизии языковой и фольклорный материал и верифицировать его на предмет принадлежности аутентичной народной vs «кабинетной» традиции. Во-вторых, верифицированный материал (вкуче с новыми данными, не попадавшими ранее в поле зрения специалистов) позволяет пересмотреть этимологию слова *карачун* (как минимум, в русской традиции). Кажется, решение названных задач значимо не только для анализа судьбы одной конкретной лексемы (хотя это не тривиальная «единица лексикона»), а мощное в языковом и культурном смысле слово, являющееся вершиной большого гнезда, обладающее многими межъязыковыми параллелями, совмещающее свойства *terminus sacer* vs *terminus profanus*), но и в методологическом плане: именно ценностная лексика (особенно такая, которая претендует на место среди обозначений членов пантеона) чаще всего обрастает этимологическими и прочими мифами, поэтому здесь важно максимально эксплицитно показать способы проверки материала и такой его интерпретации, которая — по возможности — имеет минимальное количество неверифицируемых допущений.

Здесь не будет рассматриваться все гнездо на межъязыковом уровне (хотя без упоминаний его элементов обойтись нельзя). Мы сосредоточимся на русском (восточнославянском) *карачуне*. Опираясь на максимально полный набор словарей и других лингвистических источников, постараемся восстановить спектр значений слова, осуществим источниковедческий анализ, позволяющий оценить достоверность тех или иных фиксаций. Далее будут рассмотрены существующие этимологические версии и поставлен вопрос о том, сводимы ли все слова «под зонтиком» *карачун* к одному генетическому источнику. Это позволит обосновать и изложить нашу этимологическую версию. Затем будет показана жизнь слова в фольклоре и других текстах (вплоть до оперных либретто), а также его бытование в произведениях, написанных в русле «кабинетной» мифологии и некритично ее воспринимающей филологической и исторической науки. При этом мы обратим внимание на роль этимологического мифа среди механизмов мифологизации.

Будут рассматриваться формы *карачун* и *корочун*, которые являются закономерными результатами аканья и оканья (последнее, к примеру, отражено в [НОС, 437]). Дореволюционные лексикографы и энциклопедисты нередко восстанавливали в качестве заглавной форму *корочун* [см., например: СлРЯ ИАН, 4/7, 2236–2238; ЭСБЕ, 16, 328–329], причем даже для акающих говоров [Добровольский, 1914, 347], считая, очевидно, ее основной (забегая вперед, укажем, что это подтверждается данными фонетики: слово в диалектных значениях чаще встречается в северо-западных и северных окающих говорах). При подаче слова в последнее столетие словари литературного языка чаще всего выбирают форму *карачун*; она же фиксируется иногда и в окающих говорах, что можно объяснить и деэтимологизацией, и влиянием литературной нормы.

1. Рус. *карачун* на украинском и белорусском фоне: сводка значений

При сборе материала делалась установка не только на сплошной охват словарей и других источников, но и на проверку материалов вторичных источников по первичным с целью верификации (обнаружения контекстов, оттенков значений и пр.). Если первоначальный источник нами найден, то данные вторичного (например, [СРНГ]) мы не приводим. Порядок подачи значений определяется частотностью их лексической реализации (от более распространенных — к менее).

Смерть (особенно внезапная и насильственная); тяжелые болезни

Первая лексикографическая фиксация — у Нордстета (1780): *карачун* ‘смерть’ [Нордстет, 1, 285]. Статус просторечного (в широком смысле) сопровождает слово на всем протяжении его словарной истории, ср. пометы: «vulgaris» (1780) [Там же], «говорится в просторечии» (1814) [САР, 3, 325], «простонародное» (1847) [СЦСРЯ, 2, 207], «народное» (1881) [Даль, 2, 92], «просторечное» (1956) [ССРЛЯ, 5, 810], «сниженное, устаревшее» (2017) [ТСРРР, 2, 38] и т. п. Ф. П. Филин, приводя *карачун* ‘смерть’ как пример типично просторечного слова, помещает его в ряд *карачун*, *капут*, *каюк* [Филин, 1973, 7]. В 2017 г. синонимами *карачуна* признаются *кондрашка*, *погибель*, а аналогами — *абзац*, *амба*, *капец* (*копец*), *капут*, *каюк*, *кранты*, *крышка*, *пипец*, *трендец*, *хана* [ТСРРР, 2, 38]. «Простонародность» *карачуна* обусловила его попадание в «контактную зону» словарей разных языковых стратов: авторы дифференциальных диалектных словарей иногда берут его в свой состав, несмотря на то что он же представлен в словарях литературного языка (особенно если они видят какую-л. нестандартную сочетаемость). Из-за разнобоя в определении статуса лексемы трудно проследить ее реальную географию, но есть все основания думать, что она является фактом общерусского просторечия. Слово также включают в число жаргонных (*карачун* ‘смерть’ [Бурик,

Шелестюк, 1979, 86]) и даже арготических (костр. нерехт. *карачун* ‘конец’ [Приемышева, 2, 119]).

Пытаясь описать семантику слова, авторы словарей нередко замечают, что оно называет в первую очередь *внезапную, неожиданную, преждевременную смерть*, ср. дефиниции и контексты к *корочун, карачун* (прост.; тул., перм., сиб., влг., новг., арх., дон., прибайк., костр., краснойр., пск.): «Я баюсь карачуна» (дон.); «Здорова, крепка была, всё бегала, а карачун чо-то хватил» (прибайк.); «Ударил не с тем, чтобы душевередно, а пришлось по месту, вот-те и карачун! Тут же богу душу отдал» (перм.); «Вору Ивашке Болотникову должен быть скорый карачун?» <Е. Богданов> и т. п. [СлРЯ ИАН, 4/7, 2236; ССРЛЯ, 5, 810; СДГВО, 236; СРГПриб, 2, 10; СРГЦКК, 2, 180; Ганцовская, 2018, 85; ПОС, 13, 495; СРНГ, 13, 79].

Разумеется, такая смерть зачастую является *насильственной*, ср. том. *карачун* ‘ироническое название смерти, особенно насильственной, несчастной’: «Как зачали ево бить, так пришел тута ему карачун» [Молотилов, 1913, 160]. В замечательном, как всегда, определении В. И. Даля обращает на себя внимание последняя часть: *карачун* ‘капут, конец, смерть, гибель, извод, мат; допячение кого до конца’ [Даль, 2, 92]. Значение насильственной смерти чаще всего реализуется в глагольно-именных сочетаниях *дать, задать карачун(а)* ‘убить, умертвить, пришибить и т. п.’ (прост.; оренб., тул., тамб., ряз., казан., яросл., твер., влад., влг., перм., том.): «Воры напали на дороге, да тут ему и задали карачун, уходили совсем» (перм.); «Бедному, ничтожному шведу карачун дадут» <И. Лажечников> [СлРЯ XVIII, 9, 289; Даль, 2, 92; СлРЯ ИАН, 4/7, 2237; СЦСРЯ, 2, 207; Малеча, 2, 169; ЯОС, 3, 121; 4, 68; Молотилов, 1913, 160; СРНГ, 13, 79].

Закономерные семантические флуктуации — значения, связанные с *тяжелыми (смертельными) болезнями и предсмертными состояниями*: *корочун* смол. ‘предсмертные корчи’ [Добровольский, 1914, 347], новг. ‘тяжелая болезнь’: «Напал на него корочун, болезнь» [НОС, 437]. Коль скоро *карачун* — *внезапная смерть*, то и *болезнь*, вызвавшая его, может представляться мгновенной: орл. *карачун хватил* ‘умер от удара’ [Сахаров, 1900, 21], соликам. *карачун удар* [СлРЯ ИАН, 4/7, 2237]. Эта болезнь может быть массовой: краснойр. *карачун прошёл* ‘о прошедшей смертельно опасной эпидемии’: «Карачун прошёл, многих за собой унёс» [СРГЦКК, 2, 180], влг. *карачун* ‘смерть от поветрия’ [СлРЯ ИАН, 4/7, 2237].

У слова *карачун* есть *глагольные дериваты*: без указ. м. *карачунить* ‘уничтожать, изводить, убивать’, *карачуниться* ‘гибнуть, уничтожаться’ [Даль, 2, 92]¹, симб. *окарачуниться* ‘умереть, окачуриться’: «Будет тее надрываться-то, небось не окарачунится. Чай, вишь он дрыхнет» (1906) [СРНГ, 23, 112]. Ряд

¹ По неизвестной причине эти слова не попали в [СРНГ]; в [СлРЯ ИАН, 4/7, 2236] они приводятся (с ссылкой на Даля) в формах *корочунить, корочуниться*.

интересных глагольных форм удалось записать сотрудникам Топонимической экспедиции Уральского университета (в том числе авторам статьи) в ходе работы в Макарьевском районе Костромской области в 2022 г.: *карачунить*, *корочунить* ‘безл. о приступе сильной и неожиданной боли’, *закарачунить*, *закорочунить* ‘безл. случиться приступу сильной и неожиданной боли (в том числе в результате сглаза)’: «Корочунит мужика — ну перекорёжило всего, боль страшная в животе, в спине ли. Как напало, так и закорочунило. Сделал кто» (Старово); «Его карачунит, коли болеет, боль сильная у его. В животе карачунит, согнулся пополам» (Юрово); «Ой, опять закарачунило, боль донимает: в спину вступит или в голову. Карачунит-то — не насморк, это сильно болит» (Власово); *скарачунить* ‘то же’: «*Карачун* — нет такого слова. А есть *скарачунило* — скрутило от болезни или от холода» (Заречье); *закорочэнить* ‘безл. начаться предродовым схваткам’: «У ёй закороченило, скажут: время пришло рожать» (Макарьев) [ЛКТЭ]. В ряде случаев информанты видят связь глагола и производящего существительного: *карачун вступил* ‘о приступе сильной и неожиданной боли’: «Закарачунило его, живот заболел, спину прихватило, как вступило чего. Ну, скажут, карачун вступил, от боли скорчился» (Холобурдиха) [Там же].

Говоря о конст р у к ц и я х, в которых выступает слово *карачун*, отметим, что самая частая сочетаемость — с объектным дополнением в дат. п., что сохраняется на протяжении всей истории лексемы: «Трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!» <А. В. Суворов, 1795>, «Все остальное я так или этак переживу, а тут уже мне верно каюк, карачун!» <Ю. Домбровский, 1964–1975>. Из конструкций с предикатами ранее всего (с XVIII в.) отмечена объектная конструкция *карачун / карачунá дать* (см. выше), причем [САР, 3, 325] ее считает единственной: «токмо в следующем выражении — *дать корочун кому* ‘умертвить’». Реже эта же конструкция фигурирует как субъектная: твер., яросл. *задать карачун* ‘скоропостижно умереть’: «Митюха-то наш задал карачун в Питере-то, умер» (яросл.) [СлРЯ ИАН, 4/7, 2237; Смирнов, 1901, 67]. Кроме этого, встречаются сочетания с глаголами *прийти*, *быть* (только в буд. вр.), *взять*, *унести*, *хватить*, *напасть* и др. В смоленских говорах фиксируется интересная связка *карачун скандрычиў* <сгубил>: «Тяперь ты яго ни дажидай — карачун яго скандрычиў» [Добровольский, 1914, 347].

Что касается фонетических вариантов слова, то в оренбургских говорах есть вариант с вполне обычной меной носовых: оренб. *карачум(н)*, *карачюм(н)* ‘смерть, конец’: «Схватил он его за горло, ткнул в бок ножом, тут ему и карачум пришёл» [Малеча, 2, 169]. Интересен вариант *карчун*, отмеченный в воронежских говорах: *его взял карчун* <Г. Яковлев> [СлРЯ ИАН, 4/7, 2237]; эта форма, к сожалению, пропущена составителями [СРНГ]. О. А. Черепанова приводит наряду с новг. *карачун* ‘болезнь, конец’ карельскую форму *каручень* ‘то же’: «Каручень — это смерть. Помер человек — каручень ему пришла» [Черепанова, 1983, 78]. Это гапакс, который не отмечается в других источниках.

Форма не взята в [СРГК], что, возможно, говорит о сомнениях его составителей в этой фиксации.

В украинском языке слов со «смертной» и «болезненной» семантикой, кажется, нет. В белорусском эти значения представлены слабо, ср., к примеру, блр. могилев. *карачун прышоў* ‘про наступление смерти’: «Ды ён ждзэць, што ны цябе кырачун прідзіць» [Юрчанка, 1974, 34].

«Конец» как негативный результат, прекращение, исчерпание чего-л.

Естественно появление у *карачуна* абстрактных значений «конца» — прекращения существования чего-л., нежелательного и непоправимого результата какого-л. действия, исчерпания чего-л., ср. формулировки старых словарей: *карачун* твер. ‘неожиданный и нежелательный конец предприятия’ [Смирнов, 1901, 67], влг. ‘конец, т. е. такой означает оборот известного дела, которого уже исправить невозможно’ [РКЖБН, 7/1, 102], в.-уст. ‘конец чему, лишение бытия’ [СлРЯ ИАН, 4/7, 2237]. Вот примеры контекстов: «Любовь нежная и почтенная ныне не существует, она надоела, и женщины ей дали карачун» <В. Левшин> [СлРЯ XVIII, 9, 289]; ‘о цензурном запрещении’: «За одну, пожалуй, фразу, Карачун всему рассказу!» <И. Мятлев>; «Читаю газеты. Но и тут карачун. Лучшая здешняя газета, “Петербургские Ведомости”, запрещена на три месяца» <А. Даргомыжский>; ‘в картах’: «Картежники условились обозначать в игре словом *карачун* тот удачный случай, когда партнеру не дадут ни одной взятки» <С. Максимов> [СлРЯ ИАН, 4/7, 2237] и т. п.

Четко выделена «финансовая» семантика, в рамках которой выражение *дать карачун* (деньгам) означает *разорение*: влг. «Уж на что хитра моя баба, хитрее беса, а не могла сдогадаться, пока последнему грошу карачуна не дал» [РКЖБН, 7/1, 287], *дать карачун деньгам, именью* ‘истратить, отнять у кого’: «Всем сим денежкам давал он совершенный карачун» <А. Болотов> [СлРЯ ИАН, 4/7, 2237–2238]. Большой интерес представляет форма *корочень*, которая встречается, к примеру, в комедии И. Я. Соколова «Судейские именины» (XVIII в.), ср. прост. *корочень / сесть на корочень* ‘разориться, обанкротиться’: «Инной проклятой прикашичишка <...> спознавшись <с барами> всю сумму-то по них, как по сучкам, и развешает, а там и сел на корочень» [СлРЯ XVIII, 10, 185].

Актер проклятий

Закономерно появление *карачуна* и в текстах проклятий, поскольку обе его базовые смысловые роли (‘смерть’ и ‘тяжелый внезапный недуг’) являются важнейшими ролями актера проклятий, см. об этом в [Березович, Сурикова, 2018]. Вот примеры: ворон. *Карачун тибє вазьми* [СлРЯ ИАН, 4/7, 2238]², новг. *Корочун тебе на язык*

²Ср. также бранную экспрессивную формулу ворон. *Карачун йаво знайя* (т. е. ‘не знаю’) [СлРЯ ИАН, 4/7, 2238].

[НОС, 437–438], костр. макар. *Карачун тебя согни, Чтоб на тебя карачун напал*: «Ну, закарачунило, скажут, сглазили его. Карачунит его — тошнёхонько, охает, всего перекосило, трясти его начинает. Брань такая есть: “Чтоб на тебя карачун напал!” Нечистый кто-то» (Домань); *Карачун тебе вступи*: «“Карачун тебе вступи!” — проклинают так. Плохо это, зла желали. Карачун-то — болезнь тяжёлая, гнёт человека всего. Не какая-то одна болезнь, а схватило его, не может разогнуться» (Домань) [ЛКТЭ]. Проклятия фиксируются и в белорусском материале: *А каб ужсо на цябе карачун прышоў* [Выслоўі, 1979, 200], *Каб цябе карачун* [Валодзіна, 2009, 270].

Злой дух

Как справедливо указывает Т. В. Володина, «известная семантическая эволюция в направлении ‘болезнь, смерть’ → ‘демонический персонаж’ определила персонификацию карачуна, попадание его в число злых духов» [Валодзіна, 2006, 229]. Это значение фиксируется весьма отрывочно. Есть две диалектные записи XIX в., не подтвержденные контекстами: симб. *карачун* ‘злой дух’ [Наумов, 1874, 15], калуж. *карачун* ‘то же’ [Попроецкий, 1864, 181]. Словарь Императорской Академии наук добавляет к этим данным литературные цитаты рубежа XVIII–XIX вв., никак не конкретизирующие наши представления о персонаже: «Когда ж карачунов я злых усмирю, В супружество княжну китайскую добуду — И царства два-три покорю» <И. А. Крылов>; «Но вот падучею страдает жалкий Кобчик. Ах! как кобенится сей бедненькой господчик. Не Карачун ли то с ланцетами стоит? Нет! тетерев глухой пред Кобчиком пыхтит» <А. Нахимов> [СлРЯ ИАН, 4/7, 2238]. В последние десятилетия сделаны две фиксации, которые тоже являются крайне скудными: новг. *корочун* ‘злой дух, нечистая сила’ [НОС, 437], нижегор. арзамас. *карачунить* ‘колдовать’ [Климкова, 1996, 110]. «Плоть и кровь» *карачуну* как духу добавляют тексты сказок и произведения «кабинетной мифологии», о которых см. далее.

Человек физический: «скрюченность»

Здесь несколько значений, объединенных признаком «скрюченности» (в широком смысле). Наиболее ярко эти значения представлены в белорусских говорах: брест. туров. *карачун* ‘человек с кривыми ногами’: «Идзе чоловек да ногі вугнуты, то кажуць карачун»; «Карачун гэто нога об ногу терэ» [НСДЗ, 53; ТС, 2, 183; АДС, 17], брест. *карачуха* ‘косолапая’ [АДС, 17], туров. *карачуноваты* ‘кривоногий’ [ТС, 2, 183], ср. также туров. *карачоваць* ‘идти вразвалку’ [Там же]. «Скрюченность» может касаться не только ног, но и спины: брест. *карачун, корачун* ‘сгорбленный, ссутуленный, кривоногий человек’ [ДСБ, 89]³. В русских говорах

³ См. еще также рус. новг. *корочун* ‘тяжелая ноша’ [НОС, 437]. Можно предположить, что здесь отражены представления о тяжелой ноше, заставляющей человека согнуться, «скрючиться» под ней, но перед нами гапакс, что не позволяет сделать уверенные выводы.

отмечены два значения, коррелирующие с белорусскими: влад. *карачун* ‘ребенок, который ползает’ [СРНГ, 13, 79], влг. *карачуном* ‘согнувшись’: «Картошка-то хрушкая, ядреная, да вот в подполье лазать приходилось карачуном, а когда наверх выползали, волосы оборонять пришлось: полная голова была шаму!» [Зорина, 2015, 308]. С семантикой физических аномалий перекликается также значение ‘человек маленького роста’: блр. брест. *карачун* [Зайка, 2011, 104].

Человек социальный: скупец

Карачун в значении ‘скупец, скряга’ отмечается как в литературных текстах («Может ли стать ся, чтоб Легковер, которой в деревне слывет щедрым и роскошным человеком, жил в городе как страшной карачун» <Н. Ф. Эмин, 1786> [СлРЯ XVIII, 9, 289; СлРЯ ИАН, 4/7, 2238]), так и в говорах (новг., перм. *карачун* ‘скряга’ [СРНГ, 13, 79]).

Предметы: кривое дерево, старый веник

Предметные значения «родственны» антропологическим, поскольку в них отражены признаки искривленности и укороченности. Будучи представленными в белорусских говорах, они делятся на две группы. Первая связана с семантикой кривого дерева: брест. *карачун* ‘кривое и суковатое дерево’: «Кривое дэрыво, тое, шо с сучкамі, то, каэ, карачун» [МДСБ, 26]; *карачун*, *корачун* ‘коряга, нечто кривое’: «А, гэто кровати поломаны выкынулы, а я думаю, шо кривое дэрыво, то корачун» [ДСБ, 88–89], ср. также *карачова́тый* ‘сильно искривленный, скрученный (про дерево)’ [Там же, 88]. Важна и фиксация слова, принадлежащего ломазскому говору Седлецкой губернии (как определяет автор, «бело-малорусскому»): *карачудн* ‘корявое дерево’ [Бессараба, 1904, 306]. Вторая линия развития семантики приводит к значению ‘веник (обычно старый)’: брест. *карачун*, *корачун* ‘березовый веник’: «Зробы доброго карачуна»; ‘старый, «обтертый» веник’: «Вытры ногі об карачун» [ДСБ, 88]. Это слово многократно записано на той же брестской территории сотрудниками Полесской экспедиции Института славяноведения РАН: «Силь тэбэ в очы, карачун <старый веник> в зубы, а камень в груды» [Левкиевская, 1995, 282]; «Палыты карачун, казалы, нэ можно, то як умрэш, то казалы, што по тоби вошы лазить будут» [Виноградова, Толстая, 2010, 76]; «Як хто нёбудзь можаэ лазить кого, чы пёршы день выгоняет корову, то шоб вона не боялася, то погладиш карачуном <старым веником>» [Плотникова, 1995, 137]; «Били основы <термин народного ткачества> карачуном» [Павлова, 1990, 270].

Календарная семантика: день зимнего солнцеворота

Календарное значение интересующего нас слова обладает широкой известностью, поскольку зафиксировано в знаменитой Новгородской первой летописи (XII в.): «В лѣто 6651. Стояше вся осенина дѣждева, от Госпожина дни

до Корочюна, тепло, дъжгъ; и бы вода велика вельми въ Волхове и всюде» (старший извод) [НПЛ, 26]⁴. В [СДРЯ, 4, 270] статья на др.-рус. *корочоунъ* 'название дня зимнего солнцеворота' дается с этим единственным примером.

Позднейший русский хрононимический материал отрывочен и вызывает ряд сомнений.

1. Без указ. м. *карачун* 'солноворот, день 12 декабря, Спиридоньев день' [Даль, 2, 92]. Здесь мешает отсутствие географии и иллюстраций. Сомнительно, чтоб факт был собран Далем лично.

2. Без указ. м. *карачун* 'предрождественский пост Филипповки' (Островский, 1856) [СРНГ, 13, 79]. Этот факт извлечен из «Материалов для словаря русского народного языка», которые собирал великий драматург А. Н. Островский [1952]. В первоисточнике слово подано так: «*Карачун*, м. Рождественский пост, Филипповки» [Там же, 327]. Вновь позволим себе высказать сомнение в том, что Островский собственноручно записал это слово. В его словаре основной источник — лексика, собранная во время путешествия автора по Волге (преимущественно промысловая, географическая терминология и пр., которая дается им с территориальными пометами); кроме этого, в словарь вошли лексемы, выписанные Островским из разных источников, в том числе из художественной литературы [Там же, 361]. Слово *карачун*, поданное без каких-либо комментариев, могло появиться именно как такая выписка.

3. Орл. болх. *карачун* 'святочный обряд, коляда': «Мы ходили, мы ходили По святым вечерам, Кáляда, кáрачун <коляда>» (Кондратьева) [СРНГ, 13, 79]. Эту запись крайне сложно верифицировать. К сожалению, составители [СРНГ] никак не расшифровывают источник «орл. болх. Кондратьева» в библиографии; только в некоторых томах паспортизация дана с годами: «орл. болх. Кондратьева 1913–1917». Судя по разным фактам с этой паспортизацией, в источнике собрана фольклорная лексика. Путем разветвленного источниковедческого поиска нам удалось установить, что под справкой «Кондратьева» скрываются записи, сделанные музыковедом С. Кондратьевым от своей жены, М. И. Клягиной-Кондратьевой, которая была ориенталистом-индологом: «Все песни записаны мной от Мелитины Ивановны Клягиной. Исполнительница, несколько лет собиравшая фольклор в Орловской области, усвоила их от крестьянок Болховского района в 1913–1917 гг.» [Кондратьев, 1944, 2]. К сожалению, в книге [Там же] нет колядки со словом *карачун*, а других книг, где публикуются записи Клягиной, обнаружить не удалось. В любом случае ясно, что здесь речь идет о «тройном опосредовании» записи (от крестьянок — Клягиной, от Клягиной — Кондратьеву). Притом что нет оснований не доверять источнику, смущает, что больше таких записей нет, как

⁴Ср.: «В лѣто 6651. Стоя вся осень дождева, от Госпожина дни до Корочюна, тепло, дождь; и бысть вода велика велми въ Волховѣ» (младший извод) [НПЛ, 212].

нет упоминаний *карачуна-корочуна* и других вариантов в большом количестве русских (украинских и белорусских) колядок, тексты которых мы просмотрели.

Все остальные фиксации русского календарного *карачуна* дублируют эти (чаще всего повторяется, конечно, факт из летописи). Следует заметить, что скупость оригинальных фиксаций сразу вызывает удивление, если учесть несомненную значимость даты.

Из иных восточнославянских языков значения, связанные с календарем (точнее, с ритуальным атрибутом, использование которого имеет календарную приуроченность⁵), есть только в украинских (карпатских) говорах: бойк. *кράчун*, *карачун*, *киричун*, *кричун*, *гериджун*, *гериджун*, *геречун*, *геридзин* ‘большой рождественский хлеб’ [Онишкевич, 1, 386]; эти формы (с дополнительными вариантами *крачун*, *кречун*, *керечун*, *керичун*) берутся составителями [ЕСУМ, 3, 80] как представительные для украинского языка. При этом авторы [ЕСУМ] выбрали в качестве заглавной формы для словарной статьи именно *крачун* (с признаками южнославянского заимствования), а не слово с восточнославянской фонетикой (*карачун*). Собственно хрононимическое значение в украинских говорах, кажется, не отмечено. В белорусском языке календарных значений нет.

Что касается западно- и южнославянских языков, то самая богатая календарная семантика «карачуна» фиксируется в словацком языке — в зоне Карпат, смежной с украинскими Карпатами. Как говорилось выше, в наши задачи не входит представление материалов, не являющихся восточнославянскими, тем более что словацкие данные с высокой степенью полноты и корректности изложены в [Валенцова, 2016, 333–335]. Укажем лишь, что словац. *Kračun* полисеманлично и образует обширное деривационно-фразеологическое гнездо, где отмечены значения ‘рождественские праздники (в целом)’, ‘рождественский сочельник, 24.12’, ‘день зимнего солнцеворота, Рождество’, ‘рождественский хлеб’, ‘рождественское деревце’, ‘рождественская соль (чеснок)’ и др. [Там же]. Южнославянский календарный материал представлен в первую очередь болг. диал. *крачун* ‘народный праздник летнего или зимнего солнцеворота, 8–21 июня и Рождественский сочельник’ [БЕР, 2, 726]. Далее лингвогеография ведет нас в смежные неславянские зоны, где отмечены венг. *karácsony* ‘сочельник’, молд. *крэчун*, рум. *crăciun* ‘Рождество’, ‘обрядовый хлеб’, *potul de crăciun* ‘рождественское дерево’ и т. д. (об этих словах см., в частности, в [Десницкая, 1978а, 168–171; 1978б, 48–49; Гиндин, Орел, 1982, 43; Золтан, 2005; Попович, 1976; Сухачев, 2005, 285–286]).

⁵ Ритуалы с использованием *карачуна* описаны многократно; сошлемся только на яркий и живой рассказ П. Г. Богатырева [2007, 51–54].

2. Интерпретация материала. Еще раз о происхождении рус. *карачун*

Этимологизации слова *карачун* и его предполагаемых «родственников» в разных языках можно посвятить целую монографию. Перед тем как изложить нашу гипотезу, дадим краткий обзор предшествующих этимологических версий, но назовем лишь такие из них, которые нам кажутся наиболее характерными, заслуживающими внимания (ведь есть и откровенно неграмотные предположения⁶), давшими отклик.

Сначала следует снять этимологическую омонимию, т. е. решить вопрос о том, являются ли лексемы, собранные «под зонтиком» *карачун*, гомогенными или гетерогенными по происхождению. Многие исследователи отвечали на этот вопрос по-разному. На сегодняшний момент в отечественном языкознании одной из наиболее авторитетных (самой авторитетной?) следует признать точку зрения О. Н. Трубачева [ЭССЯ, 11, 56–58], который считает, что разные значения «кажутся непримиримыми и будто бы принадлежащими словам-омонимам лишь на первый взгляд, при внимательном рассмотрении они выстраиваются в один эволюционный ряд», и выражает высокую степень уверенности в этой версии: «Мы настаиваем на том, что перед нами одно слово» [Там же, 57].

Позволим себе не согласиться. Представляется, что новые материалы, позволяющие более полно увидеть «живую жизнь» русских (восточнославянских) слов в пространстве, времени и социуме, говорят о существовании *д в у х г е т е р о г е н н ы х о м о н и м о в* — слова, входящего в гнездо с календарной семантикой (возможно, неславянского происхождения), и слова, в гнезде которого соединяются значения смерти, болезней и другие перечисленные выше.

Почему календарный *карачун* выглядит чужеродным на фоне остальных значений слова?

1. Только календарные значения дают специфическую фонетику, выходящую за рамки обычного отражения полногласия / неполногласия, ср. украинские формы типа *гериджун*, *гериджун*, *геречун*, *геридзин*, *кречун*, *керечун*, *керичун*, приводившиеся выше.

2. Календарные значения образуют непрерывный ареал (болг., словац., рум., молд., укр., венг.) с карпато-балканским эпицентром. Выпадают из ареала только русские данные.

3. Русские данные организованы иначе, чем карпато-балканские. Если последние связаны с устойчивой традицией, фиксируются массово, то русские материалы имеют статус раритетов или гапаксов.

⁶К сожалению, они высказывались как в XIX в. (ср., к примеру, идею о том, что *карачун* «происходит от *красу*, выдергиваю шерсть из животных» [цит. по: Соколов, 1887, 93]), так и в XXI в.: ср. предположение о том, что *карачун* мог быть обозначением черных (погребальных) саней, поскольку в тюркских языках *кара* значит «черный», а *чуна* — «сани» [цит. по: РФ, 290].

4. Обратимся к самому яркому и «безусловному» русскому факту — свидетельству Новгородской первой летописи (ср. выше: «Стояше вся осенина дъждева, от Госпожина дни до Корочюна...»). Как определил А. А. Гиппиус (с опорой на разыскания А. А. Шахматова), этот фрагмент летописи (летописная дата 6651 и другие на участке 6640–6664) писал знаменитый Кирик Новгородец, древнерусский книжник, мыслитель, диакон [Гиппиус, 1996, 23]. Это был самый компетентный на Руси в XII в. знаток календаря, автор известного календарно-математического трактата «Учение о числах». Безусловно, автор сочинения знал древнеболгарскую традицию — и мог с легкостью использовать болгарские данные в своем тексте. Аргументом выступает и то обстоятельство, что в отрезке текста Новгородской первой летописи, принадлежащем Кирику, фигурирует, к примеру, *субота Пянтикостьная* (лето 6642) [НПЛ, 24] в значении ‘Пятидесятница’, а хронимическое прилагательное *Пянтикостьная* является безусловным грецизмом (ср. *πεντηκοστός* ‘пятидесятый’), заимствованным в староболгарский и не раз встречающимся в соответствующих памятниках (Синайский евхологиум, Енинский апостол, Савина книга и др.)⁷. Таким образом, Кирик мог свободно использовать южнославянскую традицию.

Но как быть с тем, что слово *Корочюн* представлено в тексте Кирика в восточнославянской огласовке? По нашему мнению, Кирик попросту «перевел» южнославянскую форму в восточнославянскую. Такие переводы известны — и в наибольшей степени уместно привести аналогию из изучаемого гнезда. Так, в древнерусских источниках (в частности, в Новгородской четвертой летописи) отмечался топоним *Корочунов камень* (в бассейне Днестра, в Молдавском княжестве): «А на сеи сторонѣ Дуная, на оустъ Днестра надъ моремъ: Бѣльгородъ, Чернь <...> Романовъ торгъ на Молдовѣ, Нѣмецъ въ горахъ, *Корочюновъ камень*, Сочява, Сереть...»⁸ [ПСРЛ, 1929, 623]. Замечательно то, что наряду с полногласной восточнославянской формой это название не раз встречается в источниках и в неполногласной форме, ср., например, *Крачунов камень* [ССУМ XIV–XV, 1, 511]; свободное чередование огласовок обнаруживается в текстах не раз (в этом же фрагменте: *градомъ* — *Бѣльгородъ*). Это неудивительно: как указывает В. М. Живов, варьирование полногласных и неполногласных форм типично для гибридных текстов, ярким примером которых являются русские летописи [Живов, 2017, 245].

Таким образом, хроним *Корочюн* из Новгородской первой летописи, по нашей версии, — результат «русификации» южнославянской формы *Крачун*. Отсутствие в русской традиции кратко повторяющихся форм

⁷За консультацию выражаем искреннюю признательность Е. Мирчевой, Е. Црвенковской, М. Цибранской-Костовой, В. Мичевой.

⁸Этот список топонимов представлен под заголовком «А се имена всимъ градомъ Рускимъ, далнимъ и ближнимъ».

такого рода (что ожидаемо для столь значимой даты) на фоне убедительных в плане фонетики, семантики и лингвогеографии календарных данных в карпато-балканской зоне заставляет думать о том, что при этимологической интерпретации блок фактов с календарной семантикой следует рассматривать отдельно от прочего массива «карачуновой» лексики; это, как сказано выше, гетерогенные омонимы. Разное происхождение, разумеется, не мешает им входить во вторичные притяжения, что будет показано далее.

Относительно этимологии лексем с календарной семантикой мы отсылаем читателя к богатой литературе (ее наиболее подробный обзор дан в [Сухачев, 2005]). Есть версии, где календарные значения рассматриваются отдельно от тех, которые А. Н. Веселовский элегантно назвал «пессимистическими» ('смерть' и др.) [Веселовский, 1883, 236], а есть предположения, объединяющие эти значения. Как явствует из предшествующего изложения, мы солидарны с логикой разделения. Весьма убедительной кажется точка зрения А. В. Десницкой (изложенная вслед за Э. Чабеем), которая считает, что перед нами «балканизм обрядового характера, очень рано проникший в восточнославянскую языковую среду. Сопоставление восточнороманской формы *kraşun* (молд. *krăşun*, рум. *craciun*) и южнославянской *крачун* с алб. *kërçun* (< **karcun*) 'пень, чурбан, обрубок дерева' дает возможность истолковать значения 'праздник зимнего солнцестояния; сочельник, Рождество' в свете данных балканской этнографии. У всех народов Балканского полуострова засвидетельствован в качестве важнейшего элемента праздника зимнего солнцеворота обряд сжигания специально доставляемого из леса обрубка древесного ствола (с.-х. *бадњак*), сопровождаемый ритуальной трапезой и облеченный магической символикой, охватывающей значения возрождающегося солнца, священного огня, плодородия, а также тесно связанный с этим кругом значений культ предков. <...> Древнебалканский ритуальный термин, рефлексам которого являются вышеприведенные восточнороманские, южнославянские, а также и восточнославянские лексемы, имел исходное значение 'обрубок дерева, чурбан, бревно', ср. *Jule log* 'рождественское полено' у англичан как остаток аналогичного обряда. С учетом закономерностей исторической фонетики албанского языка может быть реконструирована палеобалканская основа **kars-un-*, производная от индоевропейского корня *(*s*)*ker-*, *(*s*)*kor-* 'резать, отрубать'» [Десницкая, 1978б, 49].

Дополняя эту версию, Л. А. Гиндин и В. Э. Орел отмечают, что на албанской почве не утрачен до конца мифологический и ритуальный смысл слова, поскольку оно связано этимологически с алб. *kërcej* 'прыгать, танцевать', для которого констатация связи с *kërçu* служит одновременно и этимологией (< **kortjo-*), и свидетельством сохранности каких-то ритуальных ассоциаций (*'резать' → 'плясать'). Есть основания полагать, что алб. *kërçu* было заимствовано в славянский без восточнороманского посредства, а в румынский оно попало уже из южнославянского [Гиндин, Орел, 1982, 43]. Версии о раннем албанском заимствовании

В. Э. Орел придерживается также в своем «Этимологическом словаре русского языка» [Orel, 2, 463].

Гипотеза о том, что славянское слово с календарной и ритуальной семантикой (как одна из возможных или наиболее достоверная) было заимствовано на Балканском полуострове из албанского языка, излагается также в [Золтан, 2005, 77; ЕСУМ, 3, 80; ЭСБМ, 4, 265–266]; этот же источник заимствования (через посредничество византийских миссионеров из южных славян) признается наиболее реальным для венгерской формы *karácsony* ‘Рождество’ [Золтан, 2005, 78; см. также: ÚMES, *karácsony*].

Обратимся к краткому обзору этимологических версий относительно «пессимистических» значений *карачуна*. Хотя мы отделяем генетически эти значения от календарных, в обзоре литературы нам придется затрагивать и такие гипотезы, которые настаивают на обратном.

1. Латинско-романские версии исходят из первичности календарных значений по отношению к «пессимистическим». Подчеркивая неясность этимологии слова *карачун*, Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров первой из предполагаемых версий называют латинскую: стяжение при заимствовании из лат. *quartum jejunium* ‘большой, четвертый пост’ (ср. латинский источник слова *коляда*) [Иванов, Топоров, 1991]. Излагая эту версию в [Фасмер, 2, 337], О. Н. Трубачев отмечает, что ее автор — А. Вайян — считает этимологически исходной семантикой не ‘Рождество’, а ‘пост’. Г. Шухардт предлагал видеть этимон также в лат. *Christi jejunium* ‘Христов пост’ [см.: Verneker, 1908–1913, 604; БЕР, 2, 726; ЭССЯ, 11, 58]. Согласно другой группе латинских версий (Бернекер, Мейер-Любке, Денсусиану, Папахаджи, Ягич, Пушкариу, Розетти и др.), источником следует считать — через рум. *crăciun* ‘Рождество; рождественский хлеб’ — лат. *calātio, calātiōnem* ‘воззвание, оглашение’ или *creātiō, creātiōnem* ‘создание, сотворение’ [Verneker, 1908–1913, 604; БЕР, 2, 726; Kerd’o, 2002, 144]. Латинские версии нерелевантны как в плане фонетики и семантики (особенно если разделять «смертные» и «календарные» значения)⁹, так и в смысле путей заимствования (скажем, по мнению ряда исследователей, румынское слово само заимствовано из славянских языков [см. об этом: ЭССЯ, 11, 58]). Подробный анализ латинско-романских версий (в том числе не названных нами) можно найти в работах Я. Кердьо и Н. Л. Сухачева [Kerd’o, 2002; Сухачев, 2005].

2. Исконнославянские версии. Из них первой следует назвать ту, которую высказал Н. М. Карамзин, предположивший связь *карачуна* со словом *короткий* (от *коротких* дней) [см. об этом: Снегирев, 1, 139]. Эта идея была горячо поддержана этнографом С. В. Максимовым [1890, 265]. Из этимологов мысль о принадлежности слова к гнезду **kort-* разделял Ф. Миклошич, который полагал, что изначально оно могло иметь значение ‘тризна, поминки’ [Miklosich, 1886, 130];

⁹Ср. также указание О. Н. Трубачева на то, что отвлеченное существительное *creatio* не употреблялось по отношению к Рождеству Христову [ЭССЯ, 11, 58].

см. также комментарии к этой версии в [Преображенский, 1, 361]. Гипотеза о принадлежности *карачуна* гнезду **kortiti* ‘сокращать’, **korьтъкъ* развернуто представлена в книге А. Б. Страхова, подчеркивавшего обусловленность признаком «сокращения» именно тех значений, которые связаны со смертью и болезнями, ср., например, рус. диал. *коротаться* ‘умирать’ [Страхов, 2003, 110–111]. По мнению О. Н. Трубачева, эта гипотеза «учитывает лишь часть значений **korčunь* и даже скорее — их переносные употребления (‘внезапная смерть’), а не всю совокупность, кроме того, фонетически уязвима, поскольку *tj* в юж.-слав. — с.-х. и болг. — не могло дать *č*» [ЭССЯ, 11, 57–58; см. также: Фасмер, 2, 336]. Ему возражает А. К. Шапошников, указывающий на существование акустической оппозиции болг. *къща* и с.-х. *кѹћа*, на основании чего можно восстановить праслав. **kortjunь*; в плане семантики «славянский концепт *Крачунь* ‘короткие дни во время зимнего солнцезворота, короткие ночи во время летнего солнцестояния’ тождествен латинскому концепту *Bruma* < **breuima* = *breuissima (dies)* ‘период кратчайших дней в году, зимнее солнцестояние’, славянская веселая ночь перед рождеством — латинскому веселому языческому празднику *Brumalia (Saturnalia)*» [Шапошников, 2008, 201].

Р. М. Козлова относит интересующее нас слово к гнезду **(s)kork-*, восходящему к и.-е. **(s)ker* ‘сгибать, крутить’; при этом она исходит из древнего значения **korčunь* ‘нечто кривое, изогнутое’, находя семантическую аналогию в праслав. **gybělь* [Козлова, 1985, 49–50]. Эту версию поддерживает и Т. В. Володина [Валодзіна, 2009, 270].

В заключение подборки приведем версию О. Н. Трубачева (развивающего идею Фасмера, Якобсона и некоторых других авторов), которая, как мы уже упоминали выше, на нынешний момент считается наиболее авторитетной и цитируется во многих трудах как закрывающая тему.

В [ЭССЯ, 11, 56–58] восстанавливается гнездо **korčunь*, которое объединяет значения ‘народный праздник летнего или зимнего солнцезворота’ (с дальнейшим развитием ‘предрождественский пост’, ‘святочный обряд, коляда’, ‘старый, короткий от стертости веник’), ‘внезапная смерть’, ‘злой дух, черт’, ‘ребенок, который ползает’ и др. О. Н. Трубачев заключает: «Столь различные значения кажутся непримиримыми и будто бы принадлежащими словам-омонимам лишь на первый взгляд, при внимательном рассмотрении они выстраиваются в один эволюционный ряд: ‘шагающий’ (‘большая нога’, ‘ребенок, который ползает’), ‘смерть — уход’, ‘переход солнца на лето или на зиму’¹⁰. У данного слова (мы

¹⁰Размышляя о «хождении» как мотивирующей базе для интересующего нас слова, этимологи предлагали разные варианты детализации или корректировки этой мотивации. Так, по мнению А. Б. Страхова, первоначальное значение календарного *карачуна* — «входящий, ставящий ногу» (если иметь в виду, скажем, южнославянские обрядовые традиции, согласно которым на рождественский сочельник хозяин, внося в дом ритуальный предмет, например бадняк, должен осуществить ритуальное перешагивание через порог правой ногой) [Страхов, 2003, 110]. Другой вариант

настаиваем на том, что перед нами одно слово) — явно отглагольная семантика, и мы вправе видеть в нем производное от глагола с емким значением, а именно — от **korčiti* с суфф. *-unъ*. Широкий семантический веер славянских соответствий наилучшим образом свидетельствует об исконном характере слова. Будучи семантически многоярусным, слово **korčunъ* лишь верхним слоем своего значения и употребления вошло в сферу религиозного, и только эта часть значения (причем не полностью — только о зимнем солнцевороте) была вторично освоена христианством. Из этого следует вторичность значений, связанных с рождением (в том числе — таких вторичных конкретных значений, как ‘рождественское бревно, полено, сжигаемое в сочельник’ в смежной и сопоставляемой лексике в условиях Балкан <...>). Словообразовательная модель на *-unъ* характеризуется народностью и исконностью образования, хотя в числе ее производных есть и образования высокого социального, культового ранга, ср. прежде всего **perunъ*» [ЭССЯ, 11, 57]. Эта версия широко поддержана в литературе, см., в частности, [Шведова, Куркина, 2011, 324; Gluhak, 1993, 342; ERHJ, 1, 492; Skok, 2, 175].

Наши сомнения в версии о связи *карачуна* с **korčiti* — в двух существенных моментах: во-первых, рефлекс **korčiti* ‘шагать’ не фиксируется ни в одном восточнославянском языке (а именно в них засвидетельствован «пессимистический» *карачун*); во-вторых, генетическое объединение слов с календарной семантикой и всех прочих кажется натяжкой по изложенным выше причинам.

Логичнее производящим считать глагол **kьrčiti*¹¹, который имеет во всех группах славянских языков внушительное число континуантов со следующими значениями:

- ‘вращать; скручивать, искривлять’: ц.-слав. *krъčiti*;
- ‘извиваюсь; изгибаюсь’: болг. *krъчъж са*;
- ‘двигаться, сгибаться (о руках, ногах)’: рус. чкалов. *корчиться*;
- ‘корчить(ся), сводить судорогой’: с.-х. диал. *krčiti*, словен. *krčiti*, др.-рус. *корчити*, *кръчитися*, *корчитися*, рус. *корчить*, укр. *корчитися*, ст.-блр. *корчитися*;
- ‘съеживаться, сжиматься’: словен. *krčiti se*, ст.-польск. *kurczyć się*, польск. диал. *kurczyć się*;

интерпретации идеи хождения таков: еще Веселовский высказывал предположение о том, что интересующее нас слово может быть калькой лат. *adventus (Christi)* ‘адвент («прибытие, приближение Христа»)’, ср.: «В этом первичном смысле “adventus” — “старый” Кречун мог быть понят как противоположение Рождеству, как нечто ему враждебное. Не отсюда ли некоторые пессимистические значения, соединенные в русском языке со словом *карачун* (*здать кому карачун* и т. п.)?» [Веселовский, 1883, 236]. Трубочев возражает ему: «Происхождение **korčunъ* < **korčiti* не укладывается в схему кальки с лат. *adventus* ‘приход, пришествие’ из области христианской терминологии» [ЭССЯ, 11, 57]. А. Б. Страхов указывает, что «к роли поморфемной кальки-перевода латинского *ad-vent-us* ‘приходящий’ лучше <...> подходит общеслав. **po-laz* ‘приход’ [Страхов, 2003, III].

¹¹ Версия о «сходстве» *карачуна* с *корчиться* ‘кривляться’ высказывалась еще И. М. Снегиревым [2, 30; ср. также: Забылин, 1880, III].

- ‘сжимать’: ст.-укр. *корчиту*;
- ‘гнуть, сгибать; морщить; мять’: чеш. *krčiti*, словац. *krčit’*, словац. диал. *kršič (sä)*;
- ‘сокращать(ся)’: польск. диал. *kurczyć się*;
- ‘стягивать, сокращать; исказать’: польск. *kurczyć*;
- ‘корчевать, раскорчевывать’: макед. *крчи*, с.-х. *крчиту*, словен. *krčiti*, чеш. *krčiti*, рус. диал. *корчить*, влг. *корчѹть*;
- ‘давить’: чеш. диал. *krčit*;
- ‘беречь’: чеш. диал. *krčit* [ЭССЯ, 13, 209–210].

Глагол **krčiti* произведен от **krčь* / **krča* [Там же, 210–211] со значениями ‘судорога, спазм, конвульсия, болезненное стягивание мышц’ и др. Это гнездо родственно **krkь* и вместе с последним восходит к и.-е. **krk-*, экспрессивному образованию, передающему идею узловатости, верчения и т. п. [Там же, 211].

Такая семантика дает базу для появления всех значений *карачуна*, которые были представлены выше. Предметная семантика — ‘кривое дерево’, ‘старый (укороченный) веник’¹² — исходит из значения искривления, съезживания, уменьшения в размерах; «физиологические» значения, связанные с внезапными схваткообразными болями, коликами, — из «корчения» (последующее развитие приводит к появлению значений агонии и смерти). Соматическая семантика и сопряженные с ней значения человеческих поз и движений (скрюченность, колченовость, хромота и т. п.) легко выводимы из признаков сжимания, сгибания. Что касается абстрактных значений, то и они идеально вписываются в реконструируемую логику развития деривационной семантики в изучаемом гнезде. Так, значение ‘скупец’ реализует продуктивную модель ‘такой, который жмет / зажимает, прижимает, мнет’ → ‘скупой’, которая представлена в русских говорах множеством примеров (вплоть до этимологического значения самого слова *скупец*) [Едалина, 2016, 69–72]. Филиация семантики ‘злой дух’ (и, соответственно, ‘актор проклятий’) объясняется тем, что нечистой силе в славянских верованиях приписывались физические признаки хромоты, «укороченности», кривизны и прочих видов телесной ущербности [см., например: Гура, Кривошапова, 2012]. Кроме того, «демонические» смыслы поддерживаются (и могут продуцироваться) признаками непостижимой в своей внезапности корчеобразной боли и смерти. Календарная семантика (солнцеворот) тоже оказывается «рядом» (ср. значение ‘сокращать’ — в данном случае о световом дне), но она, как говорилось выше, может рассматриваться только как повод для вторичных сближений, о которых см. далее.

¹² Отметим, что в контекстах к значению ‘старый веник’ не просматриваются указания на его обрядовое использование. Конечно, оно возможно, что дает основания О. Н. Трубачеву включать это значение в «календарный» смысловой блок. Однако, как нам представляется, логичнее рассматривать это значение как результат развития признака уменьшения в размерах.

Если в плане семантики изложенная версия представляется убедительной, то фонетическая сторона нуждается в обосновании. Основная проблема в том, что **kъrĭč-*, где имеется сочетание редуцированного с плавным, в восточнославянских языках должен давать *корч-* (как в *корчить*), а не *короч-*. Однако препятствия тут нет. Логично предположить, что сочетание *короч-* (в акающих говорах *карач-*) — следствие второго полногласия.

В пользу этой гипотезы следует изложить три аргумента.

Во-первых, версия о втором полногласии подтверждается лингвогеографически. *Карачун* отмечен во всех русских диалектных зонах, но больше всего разнообразных в плане семантики фиксаций — в северной и северо-западной зоне (новг., пск., влг., арх.), что согласуется с данными исторической фонетики, согласно которым второе полногласие фиксируется преимущественно в северо-западных говорах, ср. *гороб*, *столоб*, *суполока* и пр. [см., например: ИГРЯ, 305–306].

Во-вторых, в гнезде **kъrk-* (непалатализованная огласовка изучаемого гнезда **kъrĭč-*) обнаруживается весьма солидное количество форм, отражающих результаты второго полногласия, ср. рус. лит. *каракуля*; вят., том. *каракуля* ‘кривое дерево’; *каракуля* твер., яросл., перм. ‘навозные вилы’, урал. ‘кочерга, оканчивающаяся тремя зубцами’; моск. *каракулька* ‘ручное сельскохозяйственное орудие, состоящее из двух или более загнутых зубьев на длинной рукоятке; суковатое, имеющее кривой ствол, коряжистое дерево’; вят. *каракул* ‘кривое дерево’; укр. полес. *каракуля* ‘кривой лес’, *каракулька* ‘загнутая полукругом в верхней части палка’ и др. [ЭССЯ, 13, 217–218]. «Восточнославянская, русская огласовка *-ара-* представляет собой второе полногласие, причем правильную реконструкцию (и праславянскую древность) подсказывает точное соответствие в с.-х. *кркуля* с его близким значением (‘вилы’)» [Там же, 218].

В-третьих, важный аргумент в пользу нашей версии (не только фонетической, но и словообразовательной стороны) — параллелизм форм *корчун* (и близких) и *корочун* (*карачун*). Забегая вперед (затрагивая вопрос о *Карачуне* как герое сказочного фольклора), отметим, что вариант *Корчун* функционирует на месте *Карачун* в одной из сказок, записанных в Карелии [Господарев, 1941, 218–232]. Большой значимостью для нас обладают слова с «болезненной» семантикой. Так, в украинских полесских говорах записано целое гнездо названий болезни, «в результате которой крутит, корчит суставы»: *корчун*, *карчун*, *корч*, *курч*, *корчак* [ПЛНМ, 55–56].

Показательна — как формально, так и семантически — форма *корчуньев* (род. п. мн. ч.), встретившаяся в заговоре: арх. «Христово знамение, крест хранитель <...>, крест прогонитель бесов, огневиц, трясовиц, и утренних костоломных жильных *корчуньев*, крест избавляет всякаго человека верующаго в него <...> Рече Ангел Господень: Заклинаю вас, окаянных <...> всех огневиц, трясовиц и утренних костоломных жильных *корчуньев*» [Ефименко, 1878, 205, № 42; цит.

по: Агапкина, 2010, 774–775]¹³. Однозначно восстановить форму им. п. здесь не представляется возможным, поскольку равновероятны *корчун* и собир. *корчунье*; в то же время слово фигурирует в ряду других названий лихорадок женского рода, и можно предположить, что при переписывании форма род. п. ж. р. (**корчуний*) была заменена на *корчуньев*. Но для нас важна не падежная форма, а сама основа *корчун*, в которой не приходится сомневаться.

Есть и другие случаи употребления основы *корчун*, говорящие о словообразовательной релевантности предлагаемого этимологического решения. Так, интересно новг. *корчунки* / *вставать, сесть на корчунки, сидеть, ходить на корчунках* ‘на четвереньки, на четвереньках’, ‘сесть, согнув ноги в коленях и держась на носках ног’: «В детстве любили в прятки играть: сядешь за куст на корчунки, тебя и не видно» [НОС, 439]. Думается, это тоже дериват **кърѣ-*, реализующий признак «скорченности» (ср. приведенное выше влг. *карачуном* ‘согнувшись’). Нельзя отрицать и возможность контаминационных влияний (все же вторичных) со стороны форм типа *корточка*, *карачки* (ср., например, туров. *карачкóваты* ‘кривоногий’ [ТС, 2, 183]). В словообразовательном смысле важно и укр. полес. *корчунок* ‘поле на месте выкорчеванного леса’¹⁴ [Аркушин, 1, 244]. В русском антропонимиконе есть фамилия *Корчун* (порядка 500 носителей в настоящее время)¹⁵; такая фамилия отмечена и на Украине.

Итак, по нашей версии, форма *карачун* (исходно *корочун*) входит в гнездо глагола **кърѣити* ‘корчить, выворачивать, мять’, отражая результаты второго полногласия. В плане словообразования *корчить* > *корчун* / *корочун* («тот, кто / что корчит(ся)») аналогично *шалить* > *шалун*, *говорить* > *говорун*, *гоношить* > *гоношун*. Значение этимона могло развиваться в разных направлениях, но самая продуктивная деривационная цепочка имела отправной точкой, думается, семантику болевого симптома, связанного с «корчами», коликами, судорогами и пр.

Нужно отметить, что феномену «корчащей» боли уделяется много внимания в символическом языке культуры: он имеет яркие внешние проявления, нередко характеризуется внезапностью, остротой и трагическими последствиями. Выше приводились некоторые примеры, иллюстрирующие возможности номинации таких состояний словами на *кор(о)чун*-. Приведем и другие однокоренные слова, чтобы показать обилие подобной лексики в гнезде *корч*-. Это в первую очередь названия лихорадок: арх. «Рече: мне имя *корчия*: аз корчу у человека жылы ручныя и ножныя» (рукоп.) [ЗВЧ, 425]; сев.-рус. «Ты еси *корчея* окаянная, отъиди, Ты еси хрипущая окаянная, отъиди, Ты еси плясея окаянная, отъиди» [Бурцев, 1902, 83]; ср. также формы *Корчия*, *Корчея*, *Скорчея*, *Корчуша* [Агапкина, 2010, 753, 762,

¹³ Т. А. Агапкина сообщает, что этот фрагмент дается П. Ефименко с комментарием: «списано со старинной рукописи».

¹⁴ Словарь не дает возможности понять, что перед нами — топоним или нарицательное слово, но принадлежность этой формы к изучаемому гнезду несомненна.

¹⁵ Подсчеты проводились по данным популярной социальной сети [ВКонтакте].

766]. Интересно имя *Корчала*, которое встречается в заговоре, состоящем из «темных» слов: «Проклинаю и прогоняю: Афикола, Голиѳито, Корь, *Корчала*...» [Виноградов, 1907, 55]. А. В. Юдин приводит еще более широкий круг созвучных слов среди названий лихорадок, указывая, что эти наименования обладают высокой частотностью: «Следующим по объему после “желтого”¹⁶ оказывается поле слов, связанных, по мнению О. А. Черепановой, с корнем **kъrk-* ‘корчить’. <...> В данное поле входят: *коркуша, каркуша, корхуша, кориуха, корчуша, корноша, окоркуша (окоркуща), коркота, корхотия, коркодия, корикорта, коркорта, коркота, корчя, скорчя*» [Юдин, 1997, 246–247]. Ясно, что данный А. В. Юдиным ряд сформировался не только на базе ресурсов **kъrk-* (здесь проявились еще многочисленные вторичные сближения), но участие **kъrk-* несомненно.

Показательно, что даже в медицинском справочнике XIX в. «Самоучитель сельского лечения» К. Бенедиктова, нацеленном на подачу объективного знания, присутствует раздел с названием «Злая корча»: «*Злая корча* есть судорожное сократительное движение сгибающих мышц конечностей, так что сводить руки и ноги с нестерпимую болью до беспамятства, и движение это, на некоторое время переставшее, затем снова возвращается» [Бенедиктов, 1866, 53]. Если в этой «медицинской» цитате *корча* понимается как мышечный синдром, то в народных текстах *корченье* трактуется очень широко: *корчить* может даже жилы. *Корчи* являются также симптомом «иррациональных» состояний — кликушества, одержимости бесами и пр.: влг. «Бесенок подвергает такого человека *корчам* (*корчит*), кричит в нем разными голосами, иногда лает как собака, или мяучит, как кошка, а иногда чирикает воробьем. Подобных больных называют *порченными* (кликушами). <...> у человека, в первый раз подвергнувшегося *корчам*, припадки *корч* бывают очень сильны...» [РКЖБН, 5/3, 150]; калуж. «В это время кликуша поет петухом, лает собакой, мяучит, — словом, подражает крикам разных животных, а также синее, а во рту появляется слюна и на губах пена; она страшно *корчится*, наконец, падает и бьется по полу» [РКЖБН, 3, 408]; костр. «Горячий след берут и кидают в печь, тогда будто бы вора начнет *корчить*, и он сам принесет украденную вещь» [РКЖБН, 1, 123]. *Корченье* упоминается и в проклятиях: влг. *Выкорчило бы тебе, вытянуло язык-от; Корчи бы ты сволокли* [РКЖБН, 5/1, 248]¹⁷. Наконец, по законам симпатической магии болезнь, подобно пню, можно *выкорчевать* из тела больного: арх. «А толку нет никакого, болесь пристанет — её не выкорчеваш» [Ковригина, 2022, 180].

Все это гармонично вписывается в тот круг представлений, которые питают слово *карачун*, используемое для обозначения тяжелой болезненной симптоматики и злых духов, фигурирующее в проклятиях и пр.

¹⁶ Речь идет о формах типа *Желтея*. — Е. Б., О. С.

¹⁷ Приведем также пример, где фигурирует близкое *корчам* по семантике слово с другим корнем (*крюк*): забайк. «Крюк, ты крюк, возьми свой крюк и дай р. б. спокой!» Типичный комментарий собирателя: «Этот заговор указывает на то, что в человека как бы вселяется какое-то существо *крюк*, которое корчит больного во время сильного ломотья» [Логиновский, 1904, 37].

Принадлежа исходно к гнезду **kьrĉiti*, *карачун* вступает в контаминационные взаимодействия с продолжениями других гнезд. Разумеется, имеет место аттракция к гетерогенному омониму с календарной семантикой, на которой, собственно, основана мифологизация *карачуна* (о ней см. далее). Ожидаемо и притяжение к продолжениям **korĉiti* ‘шагать’; такого рода аттракции вероятны для значений типа ‘ребенок, который ползает’ (рус. влад. *карачун*), ‘человек с кривыми ногами’ (блр. брест., туров. *карачун*). Несомненно также взаимодействие с продолжениями **kortiti* ‘сокращать’ (см. выше), о чем наиболее ярко говорит *figura etymologica* А. М. Ремизова: «Царствует дед *Корочун*. *Коротит* дни *Корочун*, дней не видать, только вечер и ночь» (из сказки «Корочун», текст которой приводится ниже).

3. Карачун в фольклоре и мифологии: *creatura phantasma*

Восемнадцатый век проплывает, проплыл,
лишь свои декорации кой-где забыл,
что разлезлись под натиском прущей
русской зелени дикорастущей.
Видны волглые избы, часовня, паром.
Все сработано грубо, простым топором.
Накорябан в тетради гусиным пером
стих занозистый, душу скребуший.

Лев Лосев

Обратимся теперь к *Карачуну* в функции имени собственного — рассмотрим, когда и как возникает персонаж, обозначенный этим именем, в каких текстах он функционирует и как разворачивается мифологизация этого образа.

По всей видимости, впервые *Карачун* как имя персонажа (страшного чародея, выступающего в функции антагониста, которому присущи ненависть, злоба и коварство, способность принимать облик змея — «семиглавой гидры»; которого трудно уничтожить; который — сообразно своей змеиной ипостаси — склонен к похищению девушек, и т. д.) встречается в *волшебном-богатырском романе М. И. Попова «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (1770)* в контекстах типа: «лютый Карачун, сей гнусный карло», «сей свирепый урод, сей лютый Карачун», «сей лютый волшебник, который по всему свету причиняет великие бедствия многим людям» [Попов, 1770, 30, 43, 100] и под. В 1784 г. роман, принесший своему автору всероссийскую известность, был переиздан — на сей раз уже под длинным заголовком, непосредственно содержащим имя *Карачун*: «Старинные диковинки, или Удивительные приключения славенских князей, содержащие историю храброго Светлосана; Вельдюзя, полотского князя; Прекрасной Милославы, славенской княжны; Видостана, индийского царя; Остана, древлянского князя; Липоксая, скифа; Руса, Бориполка, Левсила и страшного чародея Карачуна» [Харитонов, 2015].

Обсуждаемый роман М. И. Попова (1742 – ок. 1790) не просто один из ранних образчиков авторской массовой литературы на раннем этапе становления жанрового разнообразия в России — это продолжение проекта («госзаказа» просвещенного екатерининского времени [о чем см.: Топорков, 1997, 24–40; Денисевич, 2015; Дзюба, 2014; и мн. др.]) по созданию и систематизации славянского пантеона, в котором Попов наряду с другими пионерами «кабинетной» мифологии — М. Д. Чулковым, В. А. Левшиным, Г. А. Глинкой и др. — принимал самое активное участие: «В 1767 г. выходит “Краткий мифологический лексикон” Михаила Чулкова, в 1768 г. — “Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабденного примечаниями” Михаила Попова. В 1804 г. публикует “Древнюю религию славян” Григорий Глинка, в том же году выходит “Славянская и российская мифология” филолога и поборника отмены крепостного права Андрея Кайсарова. Все они представляют собой словари, где в алфавитном порядке собраны все сведения о языческих божествах, которые удалось почерпнуть из источников: трудов Татищева и Ломоносова, нескольких летописей, латинских хронистов и византийских географов, а также живого фольклора» [Денисевич, 2015]. Вот как отзывается всего полвека спустя о плодах деятельности этих «туземных мифологов» (выражение Д. О. Шепшинга) русский историк XIX в. П. М. Строев в своем «Кратком обозрении мифологии славян российских»: «Все новейшие писатели славяно-русской мифологии <...> причисляют обыкновенно к божествам славянорусским таких, которых они совсем не знали, но которые почитались другими славянскими народами (поляками, германскими славянами и т. п.) <...> эти *Услады, Купалы, Зиметерлы, Полели, Дашубы, Диды, Лады, Лели* и пр. и пр., о коих столько до сих пор говорено было, существовали, кажется, в одном воображении повествовавших об них писателей. Они думали, что у славян непременно долженствовало быть ни больше ни меньше богов, сколько было их у греков и римлян, и для того старались заменить вымышленными, на словопроизводстве основанными именами тех богов, о коих не находили никаких известий» [Строев, 1815, 16–17, 41–42; цит. по: Топорков, 1997, 27–28].

М. И. Попов — надо отдать ему должное — в «предуведомлении» к «Славенским древностям» подчеркивает авторскую установку на вымысел (что критически отличает роман — экспериментальное для своего времени жанровое произведение — от его же «Описания древнего славянского языческого баснословия»): «Намерение мое послужить посильным трудом было мне побуждением сочинить сию сказку, или так называемый роман. Первыми лицами поставил я в ней славенских князей, между коими Светлосан занимает первое место: я ее украсил некоторыми нашими древностями, которые могли бы пойти в расположение сего сочинения и к описанию коих прибавил я несколько вымыслов, дабы приятнее их представить взорам читателя. Вот что склонило меня наименовать сие творение “Славенскими древностями”; а чтоб читателям не подать об нем при

первом на него взгляде двусмысленного воображения, то я присовокупил “Приключения славенских князей”, что ясно означает роман, а не историю о наших древностях, как некоторые мнили найти» [Попов, 1770]. Такая установка позволяет автору дать волю фантазии, в том числе в изобретении имен для персонажей. Главный номинативный импульс Попова — придание именам «славянскости», отсюда активное использование сложений типа *Бориполк*, *Видостан*, *Левсил*¹⁸ и пр.; однокомпонентных окказиональных или узуальных имен с корнями *рус-*, *слав-* (*Рус*, *Славен*); «говорящих» (в духе классицистической традиции) имен с корнями, имеющими положительную семантику, — однокомпонентных (*Добрыня* и пр.) или сложных (*Светлосан*, *Милослава* и пр.). По всей вероятности, имя главного антагониста — чародея *Карачуна* — вполне вписывается в ономастическую систему романа и соответствует двум главным ее параметрам: это имя, апеллирующее к «славянской древности» и, кроме того, «говорящее» (но со знаком «минус», поскольку принадлежит оно отрицательному персонажу). Оба этих условия выполняются, если допустить, что *Карачун* — о н и м и з и р о в а н н ы й а п е л л я т и в (ср. «смертные» значения слова): «славянскость» этому имени сообщает его просторечный (народный) «флер», ощущавшийся, как отмечалось выше, уже в XVIII в., а «говорящим» оним является еще и за счет отказа от словообразовательной деривации при трансонимизации. Обоснованности этому предположению придают номинативные параллели у М. И. Попова и авторов-современников: ср. имя злодея *Волот* (< *волот* ‘великан, богатырь’ (Словарь академии Российской, Афанасьев, Даль) [СРНГ, 5, 64]) в «Славенских древностях» [Попов, 1770, 24], имя злого волшебника *Кривид* (< *кривда*, *кривой*) в «Русских сказках» В. А. Левшина [1, 159] и т. д.

Карачун в романе Попова — авторский персонаж (хотя и наделенный рядом функций, типичных для героев фольклора), но мифотворческий фон второй половины XVIII в., сложившаяся в этот период система взаимного «культуртрегерского» цитирования обеспечивают повторное появление этого имени в литературе, на сей раз в тексте современника и соратника М. И. Попова, В. А. Левшина (1746–1826), — в его волшеббно-приключенческой «Повести о сильном богатыре Чуриле Пленковиче» (1780), которая входит в сборник «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях; сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывание, в памяти; приключения» [Левшин, 1780]. В повести о Чуриле Пленковиче *Карачун* не упоминается, а встречается в сноске к выражению *дать карачун* («Между тем горящий досадою и мщением Горыня поднимал на плечо близ стоящий каменный утес, чтоб оный бросить в Чурилу и дать тому карачун» [Там же, 165]): «*Дать карачун*: пословица, вошедшая

¹⁸ Интересно, что литературная жизнь выдуманного Поповым имени *Левсил* продолжалась: в 1807 г. вышла поэма С. С. Андреева «Левсил, русский богатырь», а в 1822 г. — оперное либретто М. С. Лебедева «Жар-птица, или Приключение Левсила-царевича».

в обычай от напоминания славного чародея Карачуна, о котором есть особливая книга. Сей чародей был толь лют, что попадшему в его руки не было спасения; а по днесь еще говорят о пропадшем невозвратно: *Карачун взял*» [Левшин, 1780, 165–166]. Очевидно, Левшин ссылается на популярный роман Попова и попутно дает народную этимологию фразеологизма (предполагающую противоположное развитие — от онима к фразеологизму). Так рождается богатая традиция мифологизации и даже сакрализации окказионального персонажа, не существовавшего за пределами романа М. И. Попова, и начинается торжественный «фейклорный» марш *Карачуна* по страницам книг этнографов, историков, филологов, в том числе «остепененных».

Особая сфера, которая стала восприемницей и ретранслятором литературных онимов из романа М. И. Попова в начале — первой половине XIX в., — это опера. Тон в этот период задает романтизм (сначала «переводной», европейский, затем оригинальный), поэтому в моде, с одной стороны, мифология, с другой — историзм (особенно после Отечественной войны 1812 г.), и авторы первых русских оперных либретто обращаются за материалом и вдохновением к недавним систематизаторам славянской старины. Так, в 1803 г. в Санкт-Петербурге состоялась постановка героико-романтической оперы австрийского композитора Ф. Кауэра «Дева Дуная» (по пьесе немецкого писателя и драматурга К. Ф. Генслера «Дунайская нимфа»): музыкально дополнительно «русифицированная» С. И. Давыдовым, она получила в России название «Леста, днепровская русалка». Переводом и адаптацией текста занимался Н. С. Краснопольский, который «славянизировал» топонимы и имена персонажей и назвал князя — возлюбленного главной героини — *Видостаном* [Дева Дуная], позаимствовав это имя из «Славенских древностей» Попова.

Отдельный вклад в популяризацию персонажей М. И. Попова внес композитор Фердинандо Антониолини — итальянец по происхождению, с 1796 г. — придворный капельмейстер Петербургского императорского театра, работавший преимущественно в жанре «волшебной оперы» [Долгушина, 2014]. В 1822 г. он совместно с К. Кавосом ставит оперу «Жар-птица, или Приключение Левсил-царевича» (автор либретто — оперный певец, драматический актер и театральный режиссер М. С. Лебедев), имя главного героя в которой — *Левсил* — явно восходит к творчеству Попова (возможно, через посредство упоминавшейся выше поэмы Андреева «Левсил, русский богатырь»). Шестью годами ранее — в 1816 г. — Антониолини ставит особенно интересную для нас оперу — «Карачун, или Старинные диковинки»¹⁹ (автор либретто — драматург и театральный деятель А. А. Шаховской), которая стала одним из наиболее популярных произведений композитора: «...именно за это сочинение композитору был высочайше пожалован перстень

¹⁹ По некоторым данным, опера была написана Антониолини еще в 1905 г. [Mooser, 1948, 644; цит. по: Долгушина, 2014, 66].

стоимостью 700 рублей» [Долгушина, 2014, 66–67]. Источник образа Карачуна вновь несомненен: название либретто Шаховского и оперы Антонолини — это сокращенный заголовок переиздания романа Попова «Старинные диковинки, или Удивительные приключения славянских князей, содержащие историю <...> страшного чародея Карачуна».

Имя *Карачун* вновь звучит с театральных подмостков в 1835 г. — в романтической опере А. Н. Верстовского «Аскольдова могила», автор либретто (и одноименного романа о временах Владимира Красно Солнышко) — сочинитель первых в России исторических романов М. Н. Загоскин. Здесь Карачун не входит в число действующих лиц, а только упоминается в арии Торопки в качестве антагониста, похитителя девушки (т. е. в обычной своей роли), но — в русле «новгородской» стилизации — называется не волшебником, а *боярином*:

Близко города Славянска,
На верху крутой горы,
Знаменитый жил боярин
По прозванью Карачун.

В его тереме высококом,
Словно пташка взаперти,
Изнывала в злой неволе
Красна девица душа.

Смотрит в ту она сторонку,
Где живёт её всемил,
Там далече, за Ильменем,
Он остался без нее.

[Близко города Славянска]

Судьба этой арии сложилась удивительно: сначала она стала романсом, а уже к середине XX в. воспринималась как народная песня. Так, например, в 1975 г. фирма «Мелодия» выпустила грампластинку с записями народного хора с. Подбужье Калужской области [Discogs], где есть песня «Близко-близко городу Славянску» со следующим текстом:

Близко-близко городу Славенску
Ой да наверху, братцы, крутой горы
Ох да жил боярин большой именитый
Ой да на прозванье да яво Карачё (sic!²⁰).

²⁰ Обращаем внимание читателя на трансформацию литературного онима в говорах — это единственная фиксация имени персонажа *Карачун* за пределами авторской литературы и сказочных текстов.

Следующий этап «становления» персонажа по имени *Карачун* — лубок («кентавр» демократической литературы, которая проявляла особенный интерес к «народности», и фольклора), часто тяготеющий к изображению условной «славянской древности» [см.: Корепова, 1999, 25–26]. В середине XIX в. это имя всплывает в лубочной сказке «О Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне» писателя и издателя Ф. М. Исаева (1856, переиздана в 1859). В основе текста лежит версия лубочной же сказки о царевне-лягушке («Сказка девятая о лягушке и богатыре» в сборнике «Русские сказки»), которую опубликовал в 1787 г. П. Тимофеев и которая выдержала множество переизданий на протяжении всего XIX в. [Там же, 113–116]. Вариант Исаева содержит существенные изменения не только по сравнению с фольклорной основой, но и в сравнении с текстом Тимофеева: он усложнен в сюжетно-композиционном строении, системе персонажей, хронотопе. Считается, что характер этих изменений во многом вдохновлен творчеством В. А. Левшина [Там же, 116–119]: среди прямых заимствований, например, «славянский историзм» и имена персонажей (*Добромысл*, *Светлана*) [Там же, 118], в том числе, очевидно, и волшебника *Карачуна* [Там же] (впрочем, нельзя отрицать знакомство Исаева с первоисточником интересующего нас образа — романом М. И. Попова²¹). *Карачун* у Исаева живет во дворце на горе, он способен к оборотничеству (принимает облик змея, с которым борется герой), его окружают злые духи — функционально он соответствует традиционному сказочному типу антагониста, но детали его «портрета», безусловно, типичны для сказки лубочной, авторской [Там же, 119] — это не органичный для фольклорной традиции персонаж.

Сказка Исаева обрела большую популярность, на протяжении XIX в. вышло несколько ее редакций: «Сказка о злом волшебнике Карачуне или заколдованной красавице» в 1865 г. (стихотворное переложение В. Я. Шмитановского), «Сказка об Иване-богатыре и прекрасной супруге его Светлане» в 1870 г. (краткая анонимная редакция в издательстве Яковлева), «Сказка о Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне» в начале 1890-х гг. (краткая редакция в издательстве братьев Губановых), одноименная сказка в 1897 г. (краткая анонимная редакция в издательстве Сытина) [Корепова, 1999, 121–125]. В 1895 г. писатель-лубочник И. С. Ивин (Кассиров) (1868–1918), которого Л. Н. Толстой

²¹ О произведениях Попова, Левшина, Чулкова как источнике вдохновения и заимствований для лубка пишет уже первый исследователь лубка — И. М. Снегирев, который связывает обращение лубочников к «мифологам» XVIII в. с утратой старых печатных досок в московском пожаре 1812 г. (а центром изготовления и распространения лубка была именно Москва): «На лубочных листах стали печататься наши сказки и притчи в Москве не ранее конца XVII века и начала XVIII в. <...> Из лубочных печатниц они выходили, отличные одни от других текстом и картинками; одни были полными, другие сокращенные. Отсюда появились разнообразные виды одного и того же изображения. С утратой многих сказочных истинников в 1812 году началось уничтожение старых народных сказок, повестей и сказаний. За неимением оных издатели обратились к сказкам Чулкова и Попова» [Снегирев, 1844, 25–26].

называл «самым популярным и распространенным современным писателем в России» [Ивин], выпускает еще одну версию сказки — со значительно усложненной фабулой [Кассиров, 1895]. «В погоне за “замысловатостью” он усложнил сказку, контаминировав сюжет “Царевна-лягушка” с сюжетом “Смерть Кощей в яйце”» [Корепова, 1999, 121] — появление образа Кощея критическим образом скажется на дальнейшей судьбе Карачуна.

Карачун у Кассирова — антагонист, задающий герою трудные загадки, дядя волшебной невесты (Светланы), правящий царством в Персии и превращающий Светлану в старуху, чтобы сохранить незаконно узурпированный трон. При попытке Ивана-царевича вмешаться Карачун похищает Светлану и исчезает, а позже, в борьбе с героем, он оборачивается змеем. Пока мы видим ставший уже «классическим» функционал Карачуна (за исключением декоративных частности); новация же Кассирова состоит в том, что в сказке говорится, будто смерть Карачуна хранится в яйце, а яйцо — на острове Буяне.

Именно из лубка — из сказки на сюжет «Царевна-лягушка», многократно и огромными тиражами издававшейся на протяжении XIX в., — персонаж по имени *Карачун* проникает в устную народную традицию, где «скрещивается» с Кощеем (несомненно, под влиянием текста в редакции И. Кассирова). Влияние лубочной сказки о царевне-лягушке на народное творчество (т. е., собственно говоря, воспроизведение народными сказочниками, в том числе неграмотными, лубочного, а не фольклорного, текста или хотя бы его фрагментов) подробно и аргументированно доказала К. Е. Корепова [1990, 125–130] — многочисленные совпадения вариантов текста прослеживаются на лексико-фразеологическом (в том числе ономастическом), сюжетном, образном и других уровнях, и лубочный протограф для народных сказок восстанавливается однозначно (хотя устные тексты могут иметь разную степень «фольклоризации» и удаленности от книжного источника), см.: «Многочисленные публикации сказки оказали сильнейшее влияние на устную традицию. Знаменательно, что из пяти вариантов сказки о царевне-лягушке, записанных еще в XIX веке, три <...> несомненно идут от книги — текста П. Тимофеева, и фиксировались они на широкой территории: как в Центральной России, так и в Сибири. Все три повторяют детали книжного протографа, случайные в художественной ткани, не имеющие историко-этнографических корней, то есть являющиеся целиком результатом авторской фантазии одного человека. <...> Еще более существенное влияние на народную сказочную традицию оказала редакция Кассирова. Возможно, она обеспечила популярность сказки и живучесть сюжета. Варианты, восходящие к ней, записаны на широкой территории: в Центральной России — Воронежской, Тамбовской областях, на Русском Севере — в Карелии и на Пинеге, в Поволжье, в Нижегородском Заволжье, в Пермском крае, в Сибири и в Башкирии» [Там же, 125, 127].

Все народные сказки, в которых фигурирует *Карачун* (а это, как и в лубке, только тексты на сюжет «Царевна-лягушка», очень редко — «Еруслан

Лазаревич»²²), попали в поле зрения К. Е. Кореповой (за их списком и анализом сюжетных особенностей отсылаем читателя к указанной работе [Корепова, 1999, 125–130]), поэтому мы позволим себе самое краткое обсуждение этого образа. Чаще всего в устных сказках сохраняется исходная форма имени — *Карачун*, один раз она трансформируется в *Корчун* [Господарев, 1941] — вероятно, за счет ремотивации имени, «оживления» внутренней формы (< *корчить*, т. е. *Корчун* — «тот, кто корчит»). Персонажу-антагонисту присваиваются обозначения *волшебник*: «у меня есть дядюшка Корчун, так тот за мной улегал, и он большой волшебник» [Там же, 220]; «сейчас прилетит мой дядя, волшебник Карачун, и он тебя нараз убьет» [СИК, 74]; *колдун*: *Колдун-Карачун* [ТФ]. Как и в лубочных сказках, Карачун способен оборачиваться змеем, а также вихрем [ТФ]. Кроме того, он имеет ипостась Кощея, т. е. или изофункционален Кошеею (смерть его хранится в яйце, яйцо в зайце, заяц в утке, утка в сундуке, сундук на дубе [Господарев, 1941]), или превращается в Кощея («Карачун ударился о землю и превратился в Кощея Бессмертного» [СИК, 74]), или даже обозначается с помощью двойной номинации: «волшебник-карачун царь Кощей Бессмертной» [Там же, 73]; «Это Карачун-Кощей сделал меня так» [ТФ, 67].

Карачун в устных сказках наделяется следующими характеристиками: «старый, худой, высокий, длинноногий, горбоносый, а колени были вместе» [СИК, 74], «на полусогнутых ногах» [Там же], «я ли не горбат, у меня ли нос не сутуловат» (Пудожский р-н Карелии, записано от О. И. Дмитриева, 1938) [цит. по: Лызлова, 2007]. В принципе это пейоративное описание не противоречит «классическому» (начиная с М. И. Попова) изображению Карачуна, ср.: «гнусный карло», «свирепый урод» [Попов, 1770, 30, 43], «Был он очень горбат и ужасно косолап» [Шмитановский, 1865, 27] и пр.: во всех источниках подчеркивается уродство Карачуна — и непременно его скрюченность (*г о р б, г о р б а т ы й н о с, к о с о л а п о с т ь, п о л у с о г н у т ы е н о г и*). Не исключено, что устойчивость характеристики «скорченность, согнутость» обеспечивается прозрачностью, «читаемостью» внутренней формы апеллятива, а затем онима *Карачун* < **kr̥citi*:

²²К. Е. Корепова объясняет притяжение образа Еруслана Лазаревича желанием народных сказочников «оправдать» неестественный для фольклорной стихии образ героя-богатыря (Иван-царевича), использующийся в лубочном протографе: «Сказочники, хорошо чувствующие природу волшебной сказки, вносят в книжный текст некоторые поправки там, где автор-писатель отступал от народной традиции. Кассиров вслед за Тимофеевым, Исаевым и другими авторами редакций называет главного героя богатырем и пытается обосновать богатырство: в авторской характеристике упоминается, что младший отличался от старших братьев “необыкновенною силою и проворством на ратных подвигах”. С той же целью Кассиров вводит в сюжет мотив змеборства: Иван-богатырь борется со змеями, охраняющими вход во дворец Карачуна, затем сам Карачун превращается в змея. В устных вариантах змеборство часто отсутствует, но, чтобы подтвердить богатырство героя, Коргуев называет его Ерусланом Лазаревичем, т. е. дает имя популярного героя-богатыря из одноименной лубочной книги. Сходно поступает сказочник из Башкирии, наделяя героя именем Ивана Быковича, подвиги которого хорошо известны народу по другим сюжетам» [Корепова, 1999, 129].

учитывая общенародное распространение лексемы и ее активное участие во фразеологии, она должна быть понятна и создателю персонажа — М. И. Попову, придумавшему когда-то «говорящее» имя вполне в русле ономастических тенденций классицизма, и позднейшим авторам, цитировавшим Попова (либреттистам, лубочникам), и неграмотным крестьянам, пересказывавшим историю о злобном колдуне.

Нельзя не упомянуть и еще одну номинативную модель, использование которой способствует устойчивости имени *Карачун* и сохранению базовой характеристики персонажа (скрюченность) в устных народных сказках, — это так называемая функциональная номинация зловредных существ, активно используемая в фольклоре и народной речи. Речь идет о номинативном механизме, при котором собственное имя возникает из апеллятива — как правило, субстантива с прозрачной внутренней формой, образованного от глагола с деструктивной семантикой. Называя мифологическое существо подобным образом, номинатор выделяет его основную функцию (в данном случае вредоносную)²³. В качестве примера приведем хотя бы имена лихорадок в заговорах (*Корчя, Гнетя, Ломя* и мн. др.), обозначения представителей нечистой силы в мифологических текстах (*жма* < *жать*, *гнетке* < *гнести*, *намной* < *мять* и под. [Черепанова, 1983, 62]), названия зловредных персонажей, в том числе фантомных, окказиональных, в проклятиях (*лом* < *ломать*, *осад* < *осадить*, *задав* < *задавить* и т. д. [Березович, Сурикова, 2018]) и т. п. Не стоит забывать и об активности континуантов праслав. **kъrk-* ‘корчить’ среди обозначений болезней и мифологических существ в русской культурно-языковой традиции, о которой говорилось выше: это частная реализация обсуждаемой номинативной модели (отглагольное именование существа по его зловредной функции), в поле которой, несомненно, включается *Карачун*. Таким образом, имя персонажа *Карачун* не только является «говорящим» (прозрачным с точки зрения внутренней формы) и удачным с точки зрения литературной ономастики, но и соответствует типичным для устной традиции номинативным механизмам, а значит, непротиворечиво включается в фольклорную ономастическую систему. Видимо, это главная причина, по которой данный оним фактически не претерпевает формальных изменений при функционировании в текстах устного творчества; стабильность имени собственного и неотрывность его от апеллятива, в свою очередь, обеспечивают устойчивость образа персонажа — притом что его совсем нельзя назвать популярным: повторимся, он фигурирует только в нескольких вариантах сказки одного сюжетного типа.

²³ Хотя функция мифологического персонажа, отраженная во внутренней форме его наименования, может быть нейтральной или «позитивной» — это зависит в том числе от семантики производящего глагола, ср. *берёжчик* ‘знахарь, колдун’ (< *беречь*), *Агриппина-купальница* (< *купать*) и мн. др. Подобные случаи описаны в [Черепанова, 1983, 62–63].

4. Карачун в «кабинетной» науке: *elephantus ex muscā factus*

Слабая активность персонажа по имени *Карачун* в фольклоре, да и явно авторский его генезис, не помешали ученым (филологам, историкам, фольклористам, в первую очередь представителям мифологической школы первой и второй волны) уже в XIX в. присвоить Карачуну статус одного из главных славянских божеств. Значительную роль в этом сыграло, с одной стороны, неразличение апеллятивов — славянских гетерогенных омонимов (рус. *карачун* / *корочун* ‘смерть, припадок и пр.’ < **kъrĭiti* и вост.-слав. *корочун* / *карачун* < карпато-балканский календарный и обрядовый термин предположительно албанского происхождения). С другой стороны, повлияла «мифологичность» и как бы «архаичность» семантики того и другого *карачунов*: у первого — «смертная», болезненная, имеющая непосредственный «выход» в сферу демонологии, у второго — календарная, связанная с продолжительностью светового дня и древней обрядностью перелома годового цикла. Прибавим сюда крайнюю скудость фольклорных и этнографических данных (только некоторые сведения о рождественском ритуале в инославянских традициях), среди которых авторитетным было единственное свидетельство — Новгородской первой летописи, учтем характерное для эпохи стремление к реконструкции и изучению славянской старины — и получим идеальный «набор» для «изготовления» персонажа — древнего грозного и карающего божества, влияющего на ход светил и смену времен года, о котором в языке и летописях остались единичные свидетельства (как может представляться, вследствие табуизации).

Одна из первых интерпретаций образа Карачуна в духе кабинетной мифологии принадлежит И. М. Снегиреву (1837) — он сопоставляет Карачуна с Хорсом (который считается божеством солнца): «У карпато-россов Карачун (Хорс) причисляется к языческим божествам. Русская поговорка *дать корочун* имеет то же значение, что *к ляду*, т. е. ‘погубить’» [Снегирев, 1, 139]. К представлениям о Хорсе позднее возводит Карачуна М. Е. Соколов (1887): «Память о Хорсе сохранилась в лице двух славянских божков — Корочюна (Крачуна) и Курента. Корочюн (Карачун), очевидно, то же самое, что и Курент: об них и вспоминают славяне в одно и то же время, на рождественские святки» [Соколов, 1887, 92].

В 1850 г. С. М. Соловьев находит параллель с другим солнечным божеством — Аполлоном: «Божество солнца у славян почиталось также божеством губительным не только для враждебных ему сил природы, холода, мрака, но и для всего живущего; в этом смысле оно носит название Карачуна (Аполлон-губитель), Крачуна, Кречуна» [Соловьев, 1850, 25].

П. Бессонов (1871), ориентируясь, как он заявляет, на белорусский материал, соотносит Карачуна с двуликим Янусом: «*крачуници* — от *крк-крак-* и *крок-* ‘шаг, переход, поворот’; у иных славян ‘поворот шеи и затылок’, что послужило к представлению двухликого Януса, между старым и новым годом у латинян; по-нашему

это будет Ян, совмещающий в себе древнего и нового спутника богини, двойной или половинчатый на перелом года» [Бессонов, 1871, 168].

Д. О. Шеппинг (1862) строит более обширную типологию: «Мы указали выше на связь божеств света с покровителями скота; эта связь подтверждается и мифическим значением Егория Храброго наших сказочных стихов и божеством скотского падежа Карачуном, Крачуном или Кртом, который явно произошел от славянского Сатурна, бога зимнего солнцеповорота Ситиврата — Кродо, Крта (Черта) или Хорса» [Шеппинг, 2012, 203].

Мысль о Карачуне — боге скотского падежа повторяет И. П. Калинин (1877): «После дня св. апостола Филиппа начинается Рождественский пост, который в старину на Руси известен был под именем Карачуновского, или прямо Карачуна. <...> Карачун — это было одно из дохристианских божеств у наших предков, именно — злое божество скотского падежа; в простонародье в некоторых местах и теперь еще говорят: *пришел ему карачун*, т. е. погибель, конец. Празднование Карачуну было в один день с Колядою и совпало с Рождеством Христовым. Этим совпадением и объясняется название Рождественского поста Карачунским» [Калинский, 2013, 84–85].

Мотивацию «скотьей ипостаси» Карачуна обосновывает М. Е. Соколов (со ссылками на [Снегирев, 1; Терещенко, 7; Хомяков, 1855]): «Русские племена вообще рисуют Корочуна слишком уже мрачными красками. *Дать Корочун*, или *Карачун*, по мнению г. Снегирева, значит ‘убить, погубить’ <...> Так же толкует это слово и г. Хомяков: “*Карачун*, санскрит. *Кратгана* — убийство; это слово полагаю остатком нашей мифологии, и корень его, вероятно, совпадает со словом *корча*” <...> Если верить г. Терещенку, то “*крачун* происходит от *крачу* ‘выдерживаю шерсть из животных’” <...> Ввиду всего этого тот же самый Терещенко считает Карачуна богом (карпато-русским) домашних животных и птиц; в новейшее время И. П. Калинин в своем церковно-народном месяцеслове называет Карачуна, или Крачуна, злым божеством скотского падежа» [Соколов, 1887, 93].

Карачуну также приписывается статус подземного божества, повелителя морозов²⁴, ср. беллетристический фрагмент из белорусского этнографа А. Кир-

²⁴ Такое представление о Карачуне «уходит» и в авторскую литературу: так, в 1906 г. впервые публикуется сказка А. М. Ремизова «Карачун» (которая входит в циклы «Посолонь» и «Зима лютая»):

Дунуло много, — буйны ветры.
 Все цветы привозблекли, свернулись.
 Вдарило много, — люты морозы.
 Среди поля весь в хлопьях драковитый дуб, как белый цветок.
 Катят и сходятся пухом снеговые тучи, подползает метелица, порошит пути, метет вовсю,
 бьет глаза, заслепляет: ни входу, ни выходу.
 И ветер Ветренник, вставая вихорем, играет по полю, врывается клубами в теплую избу:
 не отворяй дверь на мороз!
 Царствует дед Корочун.

кора: «...в это время <в конце декабря> происходит страшная борьба добра со злом, света с тьмою <...> это время господства Ситиврата, или Карачуна, подземного царя, повелителя морозов, Зюзи, как его и теперь называют белорусы. Он воюет со светлым богом, с самим Перуном. Но близится первый праздник солнца (солнворота, когда оно вступает в знак Козерога); подземный царь предчувствует, что должен родиться Божич, светлое солнышко, и что тогда борьба сделается невозможной. Ситиврат хочет погубить новорожденного; он оборачивается в медведя, набирает целую стаю волков (т. е. метелей) и вместе с ними гоняется за женою Перуна, Громовницей, долженствующей, низойдя на землю, родить Божича, т. е. Дажбога, или солнце. Громовница, в понятии народа теперь Коляда, прячется и в ивняках рождает Дажбога» [Киркор, 1882, 252].

Тот же сюжет повторяет С. В. Максимов (1890): «Царствовал, хозяйничая над землей в это время, этот самый Корочун — подземный бог, повелевающий морозами. Он воевал со светлым богом Перуном и, зная, что родится “божич” (красное солнышко), оборачивался в медведя, набирал стаи волков (мятели) и гонялся за женою Перуна (громовницей, или калядой, или пятницей), которая пряталась между ивняками и на деревьях и там родила сына Дажбога. Этот-то и сокрушал лютого врага, сменяя долгие ночи такими же светлыми днями на тепло» [Максимов, 1890, 266].

В белой шубе, босой, потряхивая белыми лохмами, трясая сивой большой бородой, Корочун ударяет дубиною в пень, — и звенят злощисные зюзи, скребут коготками морозы, аж воздух трещит и ломается.

Царствует дед Корочун.

Коротит дни Корочун, дней не видать, только вечер и ночь.

Звонкие крепкие ночи.

Звездные ночи, яркие, все видно в поле.

Щелкают зубом голодные волки. Ходит по лесу злой Корочун и ревет, — не попадайся!

А из-за пустынных болот со всех четырех сторон, почуя голос, идут к нему звери без попятю, без завороту.

Непокорного — палкой, так что секнет надвое кожа.

На изменника — семихвостая плетка, семь подхвостников: раз хлеснет — семь рубцов, другой хлеснет — четырнадцать.

И сыплет и сыплет снег.

Люты морозы, — глубоки снеги.

С вечера петухи кричат, с полудня метелица, к белому свету люты морозы.

Люты морозы, — глубоки снеги.

Не скоро Свету — солнцу родиться, далек солнворот. Хорошо медведю в теплой берлоге, и в голову косматому не приходит перевернуться на другой бок.

А дни все темней и короче.

На голодную кутью ты не забудь бросить Деду первую ложку, — Корочун кутью любит. А будешь на Святках рядиться, нарядись медведем, — Корочун медведя не съест.

И разворчался, топает, месяц катает по небу, стучит неугомонный, — Корочун неугомонный.

Старый кот Котофей Котофеич, сладко курлыкая, коротает корочуново долгое время, — рассказывает сказки [Ремизов, 1906].

Пожалуй, самое скромное (но и самое фантастическое) сопоставление предлагает А. Н. Афанасьев (1868), который возводит образ Корочуна к молнии — пальцу на руке громовника-Перуна, сравнивая его со сказочным мальчиком-с-пальчик («Это сказочное лицо встречается у всех индоевропейских народов и, следовательно, принадлежит к кругу тех мифических представлений, за которыми следует признать глубочайшую древность происхождения» [Афанасьев, 2, 738]), греческими пигмеями и пр. [Там же]. Эта параллель явно и непосредственно имеет в «субстрате» характеристику, данную волшебнику Карачуну его создателем, М. И. Поповым: «гнусный карло». Ср. аргументы Афанасьева: «У пруссов и литовцев карлик этот называется *parstuk* (*perstuk* — от лит. *pirsztas*, сл. *перст*), у немцев — *daumeslick*, *daumerling*, т. е. человечек величиною с тот “большой” палец, которому на Руси присвоится имя *корочуна* (сравни: *коротыш* — малорослый, к а р л о ²⁵)» [Там же], а далее сноска: «В детской игре: “сорока-ворона кашку варила” о большом пальце причитывают: “этому не дала, он — корочун, дрова не рубил, воды не носил” и т. д.» (источник присказки не указан).

За недостатком данных для конструирования образа Карачуна авторы XIX в. прибегают к любым созвучным лексемам (особенно онимам) на территории Славии, воспринимая их как реликты одного и того же комплекса древних верований. Так, А. С. Петрушевич (1876) сравнивает *Корочюн* из Новгородской первой летописи и календарный термин карпато-балканского ареала с угорским боярином *Корочюном* из Ипатьевской летописи²⁶, румынским женским личным именем *Кръчуна*, страшным чародеем *Карачуном* из «старинных русских сказок» (ссылаясь при этом на сборник И. П. Сахарова, который — сегодня это известно — не может быть признан надежным источником [см. об этом: Топорков, 1997, 30]), западнославянским личным именем *Krok*; привлекаются также топонимы *Корочюнов камень* в Молдавии, местность *Крачуниште* в Сербии, город *Корачев* из Воскресенской летописи, былинное село *Корочаево*, река *Короча* и *Корочинский* уезд в Курской губернии, *Карачунецкий* погост в Великом Новгороде, песенный город *Кряков*, польский город *Kraków* и т. д. [Петрушевич, 1876]. Похожий этимологический путь проходит М. Е. Соколов [1887].

Мифологизация Карачуна продолжается и в XX в. В первой половине столетия это проявляется, например, в исследовании К. Сосенко (1928), который считает, что вера в Карачуна связана с солнечным культом, с персонажем по имени *Дидух*, или *Дед*, или *Прадед* (воплощающим культ предков), одним из названий

²⁵ Выделение наше. — Е. Б., О. С.

²⁶ Прямое указание на боярство «угра» (т. е. венгра) *Корочюна* в Галицко-Волынской летописи, входящей в Ипатьевский свод, отсутствует: «приялъ бо бѣ Данила, како милога сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду: Мокъя великаго Сльпоокого, и Корочюна, Вълпта, и сына его Витомира, и Благино, иныи угры многи. И за то не смѣша галичанѣ ничтоже створити, бѣ бо инѣхъ много угорь» [ГВЛ, 186]. В указателе имен к Ипатьевской летописи, составленном Л. Л. Муравьевой и Л. Ф. Кузьминой, персонаж подан так: «*Корочюн*, воевода венгерский» [ПСРЛ, 1998, ХХ].

которого и выступает *Корочун*; эта вера признается собственно украинским феноменом [Сосенко, 1928]. «Истинно украинским» называет позднее культ Корочуна С. Килимник [1964, 11–16], приписывая этому обрядовому комплексу статус важнейшего земледельческого праздника, праздника патриархальной семьи, основополагающего для всей украинской мифологической системы, и пр. Уже в XXI в. в словаре «Украинская мифология» В. Войтовича (2002) версии Сосенко и Килимника цитируются как наиболее авторитетные [Войтович, 2002, 247–248]. Важно подчеркнуть, что ни один из названных исследователей не приводит нового фактологического (этнографического, фольклорного, лингвистического) материала, который позволил бы сделать такие масштабные выводы: видимо, уважаемые коллеги опираются на те же скудные данные, что и ученые в XIX в., — а также на авторитет последних. Стоит отметить, что Сосенко и Килимник в своих построениях ориентированы в основном на карпато-балканский ареал, для которого действительно характерен обрядовый комплекс с участием календарного термина *карачун* (с вариантами), но «персонализировать» этот комплекс оснований, кажется, нет.

Некритический (напротив, подобострастный) подход к «достижениям» XIX в. в области изучения славянской мифологии характерен и для новейшей российской науки, испытавшей своеобразное «третье мифологическое влияние» (конец XX — XXI в.)²⁷. Не ставя задачи дать исчерпывающий обзор фантазмов, предлагаемых современными филологами, приведем только некоторые примеры такого творчества. Так, Р. Г. Назиров, анализируя сюжет о Кошее в духе фольклористической макрокомпаративистики, пишет: «Имя *Кащей* появляется в русских сказках только с XVIII в., до этого соответствующий персонаж назывался *Карачун*. Так он назван у М. Попова; в записях XIX–XX вв. встречаются имена *Корачун*, *Корчун* как синонимы *Кащей*. *Карачун* (*корочун*) — древнеславянское название зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника, а также имя злого духа; в русском языке — смерть, гибель. Почему праздник зимнего солнцеворота и дух-губитель обозначались одним словом? Потому что 24 декабря открывает пору сильнейших морозов: у восточных славян, как в ряде других случаев (ср. масленицу), название календарного праздника превратилось в олицетворение зимы как смерти. <...> *Карачун* периодически царит над Русью, но тут его власть временна; собственное царство *Карачуна* — отдаленное. В русской сказке он приобрел не только антропоморфные черты, но и некую социальную характерность: могущество, богатство и любострастие. Возможно, русская сказка “Морозко” отражает обряд жертвоприношения девушек *Карачуну*; из этого мнимого “брака”

²⁷ Хронология предыдущих «влияний» приблизительно такова: «первое влияние» — русская мифологическая школа, появившаяся во второй половине XIX в.; «второе влияние» связано с трудами В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова и их последователей, реконструировавших «основной миф» (вторая половина XX в.).

(оставления в лесу) развилось представление о Карачуне-Морозе как обладателе целого гарема красавиц» и т. д. и т. п. [Назирова, 1989, 36].

А. С. Лызлова, обращаясь к текстам волшебных сказок, записанных на территории Карелии (имеющим лубочный протограф, о чем фольклористка не знает или предпочитает не помнить), рассуждает: «... в славянской мифологии “карачун” — это день зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника, отмечавшегося 12/25 декабря (Спиридоньев день в более позднем крестьянском календаре). Как отмечают некоторые исследователи, Карачун у древних славян считался подземным богом, повелевающим морозами. Его почитали и как бога скотьяго падежа. Все это свидетельствует о том, что Карачун имеет непосредственное отношение к смерти, к миру мертвых, а также он связан с зимним состоянием природы. <...> Итак, в выявленных волшебных сказках интересующий нас персонаж оказывается фантастическим существом, происхождение которого связано с народным пониманием смены сезонов в круговороте природы. Карачун здесь практически утрачивает изначальную семантику, связанную с зимой, сохраняя лишь свое имя. Но и оно с течением времени подвергается изменению в Кошея. <...> Совершаемое Карачуном похищение женщины — не что иное, как пленение всего мироздания зимой. Поэтому неслучайно, что в трех из рассмотренных нами сказок имя похищенной героини *Светлана*, что служит проявлением таких архетипов, как солнце, свет, тепло, жизнь» [Лызлова, 2007].

Трудно отказаться и от цитирования С. А. Токарева (1957): «Но самым интересным мифологическим образом, который можно возвести к предполагаемому древнеславянскому *Krt*, является Крачун. Слово это, происхождение которого еще вполне не разъяснено, известно в целом ряде славянских языков, а также у некоторых соседей славян в значении ‘святки, Рождество’. <...> Есть следы употребления этого слова как названия какого-то мифологического существа. Снегирев отмечал, что у карпато-руссос “канун Рождества называется *Керечун*, который у них почитается за божество”. В русском народном языке *корочун* значит ‘смерть’. В симбирском говоре записано значение слова *карачун* ‘злой дух’. Все это наводит на мысль, что Крачун, Карачун представлял собой у какой-то части славянских племен божество зимы и смерти, в честь которого справлялся праздник около зимнего солнцестояния. Очень вероятно, что имя этого божества восходит к тому же корню *krt*, производным от которого является и *чорт*²⁸» [Токарев, 2012, 108–109].

Примеры можно продолжать. Симптоматично, что авторы подобных эссе создают сеть взаимцитирований (и, конечно, ссылок на «проверенные временем» тексты — мифологов XIX в.) и порождают друг у друга и у невзыскательного читателя полную иллюзию «окончателности» и надежности информации, не утруждая себя ее верификацией. Авторитет российской науки значим для ряда

²⁸ Авторская орфография сохранена. — Е. Б., О. С.

сербских и болгарских исследователей, поэтому в «Сербском мифологическом словаре» находим некритичное воспроизведение взглядов того же С. А. Токарева [Кулишић, 1970, 186–187], а автор новейшей (2020) «Энциклопедии болгарских мифологических персонажей» З. Барболова суммирует полученные из трудов российских ученых знания в пассажах типа: «Крачун — бог солнца в славянской мифологии, вероятно, ипостась Коляды. Одно из спорных славянских божеств. Божество Крачун лучше всего сохранилось в румынско-молдавской мифологии. Аналог славянского бога Коляды, римского Сатурна и иранского Митры — солярных божеств. <...> В белорусской мифологии *Карачун* фигурирует как ‘злой дух, сокращающий жизнь’, апеллатив *карачун* означает внезапную смерть молодого человека. В русской мифологии так же — ‘злой дух’, ‘смерть, гибель’. <...> Это дает основания полагать, что Крачун — древнее хтоническое божество. <...> Несомненно происхождение Крачуна от языческого божества, переосмысленного в христианстве в качестве демона. Анализируя ситуацию с Крачуном и Колядой, можно прийти к выводу, что эти два теонима у славян означали ипостаси бога-солнца или солярного божества, имеющего двойственный облик, — первый олицетворял старое, умирающее солнце, а Коляда — рождающееся солнце, солнце-младенца, которое впоследствии было идентифицировано с младенцем Иисусом» [Барболова, 2020, 334].

Справедливости ради отметим, что огульная мифологизация псевдобожеств славянского пантеона (и в частности, Карачуна) подвергалась разумной (хоть и мягкой) критике [см., например: Валодзіна, 2006; Власова, 1995], но «славянофильский» хор настолько строен и дружен, что часто заглушает голос здравого смысла — в первую очередь в плане влияния на информационное пространство. Интернет полон рассказов о божественной сущности Карачуна, см. хотя бы авторитетную «Википедию» (первая ссылка по запросу «Карачун»): «Карачун, Корочун — в славянской мифологии злой дух, сокращающий жизнь и олицетворяющий смерть в раннем возрасте, а также, по мнению ряда исследователей, божество нижнего мира, являющееся повелителем морозов, холода и мрака» [Карачун (персонаж)].

* * *

Подведем итоги. В русском языке (преимущественно в «народных» идиомах — просторечии, диалектах, жаргонной речи) отмечены слова с разными значениями, которые можно связать с основой *карачун*-. Реже подобные лексемы фиксируются в украинском и белорусском языках, причем в каждом из этих языков свой спектр значений, не совпадающий друг с другом, но пересекающийся с русскими значениями. Эти слова восходят, по нашему мнению, к двум гетерогенным омонимам. Первый из них несет главным образом ту семантику, которая Веселовским названа «пессимистической»: ‘смерть (особенно внезапная и насильственная); тяжелые болезни’, ‘«конец» как негативный результат, прекращение,

исчерпание чего-л.', 'актер проклятий', 'злой дух'; далее значения, объединенные признаком «скрюченности, согнутости» ('кривоноготь, сутулость' — в белорусских говорах, 'сгорбленная поза, ползание' — в русских), значение 'скупец' и предметные смыслы — 'кривое дерево', 'старый веник' (белорусские говоры). Второй омоним имеет календарную семантику — 'день зимнего солнцеворота'; он представлен в русском языке очень скухими фиксациями, из которых надежна лишь одна — *Корочюн* в Новгородской первой летописи (XII в.). В то же время это слово и множество созвучных (*киричун*, *гериджун*, *гериджун*, *геречун* и др.) широко распространены в украинских карпатских говорах в значении календарного обрядового термина ('большой рождественский хлеб'). Календарная семантика ('день летнего или зимнего солнцеворота', 'рождественские праздники (в целом)', 'рождественский хлеб', 'рождественское деревце' и др.) выходит далеко за пределы украинского языка, создавая обширный, но целостный ареал, в который включаются молдавские, румынские, болгарские, венгерские данные. Для решения поставленных в статье задач было особенно важно показать, что *Корочюн* из Новгородской первой летописи не является, по всей видимости, исконным русским словом, а представляет собой результат «русификации» южнославянской формы *Крачун*, вполне реальной для ученого летописца — Кирика Новгородца.

Было предпринято множество попыток этимологизации указанных слов: предлагались различные славянские версии, латинско-романские, тюркские, албанская и др. Наиболее авторитетная (по обоснованности и количеству цитирований) гипотеза, сформулированная О. Н. Трубачевым, указывает на генетическое единство названных омонимов, которые восходят к **korčiti* 'шагать'. Озвучив причины, заставляющие нас усомниться в этой версии, мы предлагаем другое решение, основанное на разделении омонимов. Не рассматривая специально этимологию слов с календарной семантикой, мы считаем вполне достоверной версию А. В. Десницкой относительно производности от алб. *kërcun* (< **karcun*) 'пень, чурбан, обрубок дерева' (такой древесный обрубок является важнейшим обрядовым элементом праздника зимнего солнцестояния или Рождества). Что касается основного вопроса о происхождении лексики с «пессимистическими» значениями, то для нее в качестве этимона предлагается **kьrčiti* 'сгибать, искривлять, корчить' < **kьrčь* / **kьrča* 'судорога, спазм, конвульсия' (*корчить* > *корчун* / *корочун* («тот, кто / что корчит(ся)»). Эта версия объясняет все некалендарные значения; в плане фонетики она предполагает допущение второго полногласия (дающего *короч-*), что подтверждается лингвогеографически. Для этой версии обнаруживаются внутригнездовые и внешние словообразовательные и мотивационные параллели. При этом интересующее нас слово вступает в многочисленные контаминационные процессы с актантами из других гнезд. Мы не склонны считать, что наша версия дает окончательное решение вопроса, но, по крайней мере, приближает к нему.

Аттракция к продолжениям гетерогенного омонима с календарной семантикой стала, по сути, фонетической основой для мифологизации *Карачуна*, в образе которого, как в зеркале, отразилась история российского славянофильства и мифотворчества. Этот персонаж (первоначально с говорящим именем — «тот, кто корчит; скорченный») был придуман и «раскручен» в просвещенные екатерининские времена, когда отлаженные контакты с культурной Европой потребовали от России «соответствия» и возник «государственный заказ» на создание национального пантеона, подобного римскому и греческому. Спустя несколько десятилетий к «древней славянской истории» (и, в частности, к персонажу по имени *Карачун*) обращаются романтики — сначала заимствуя «тренд» на историзм у европейцев, затем — после Отечественной войны 1812 года — подпитывая подобными отсылками патриотический бум. Особенно заметно это в «низовой» литературе (например, в оперных либретто) — незамысловатых модных вещах, писавшихся обычно авторами невысокого полета и не подвергавшихся серьезному литературному редактированию. Следующая волна интереса к Карачуну связана с литературой «для народа» — лубочной сказкой, сочинители которой вновь ориентированы на «славянскую древность» и черпают вдохновение у первых русских мифологов, создателей славянского пантеона в XVIII в. Из многократно переиздававшихся огромными тиражами лубочных сказок Карачун попадает в устное народное творчество.

Первая треть (и даже половина) XIX в. — время ранних попыток научного осмысления, систематизации, а также популяризации отечественной мифологии и фольклора, и представители мифологического направления видят в уже «раскрученном» образе Карачуна объект интереса — древнее славянское божество. Сообразно состоянию историко-лингвистической науки, авторы XIX в. привлекают для реконструкции образа и культа Карачуна любые созвучные слова из всех славянских (и неславянских — романских, финно-угорских) языков (в первую очередь онимы — личные имена, топонимы). Так создается целое «облако» текстов, наполненных фантазиями и взаимоцитированием авторов и лишенных каких-нибудь надежно верифицированных данных, но зато обладающих важным свойством — авторитетом, который обеспечивается повторяемостью информации и — часто — знаменитыми именами исследователей.

Жертвами этого авторитета стали филологи XX–XXI вв., уже обладающие, казалось бы, методологией и всеми возможностями для сбора и проверки информации, но слепо доверяющие предшественникам, а кроме того, влекомые новой волной мифологического влияния и славянофильства. В последние десятилетия бог солнца, мороза, загробного мира, скотьега падежа по имени *Карачун* вновь на коне: его образ тиражируют фольклористы и этнографы — не только российские, но и доверяющие русской науке инославянские исследователи. Весомое ученое слово подхватывает интернет, и Карачун вместе с другими славянскими псевдобожествами (Лелем, Ярилой, Зимцерлой и пр.) надежно закрепляется

в «коллективном бессознательном». Надеемся, наша статья послужит восстановлению истины и станет ступенькой к тому, чтобы развеять морок славянской псевдоистории.

Думается, предпринятое исследование способствует решению не только конкретной лингвистической (этнолингвистической, фольклористической) задачи, связанной с реконструкцией слова / имени и образа «карачун» в разных языках (в первую очередь, в русском). В статье видится некоторый методологический смысл, отмечающий значимость верификации данных, на которых строятся реконструкции лингвистов, фольклористов и религиоведов, — особенно в тех фрагментах, которые интересны и «массовому пользователю» (конструирование пантеона).

Источники

- АДС — *Ляшкевич І.* Альпенскі дыялектны слоўнік. Альпень-Берасьце : Бібліятэка старога гораду, 2004.
- Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок : у 2 т. Луцьк : Вежа, 2000.
- Бенедиктов, 1866 — Самоучитель сельского лечения штаб-лекаря и акушера, надворного советника К. Бенедиктова. Ч. 2 : Болезни нелихорадочные. СПб. : В печатне В. Головина, 1866.
- Бессараба И. В.* Материалы для этнографии Седлецкой губернии. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1903.
- Близко города Славянска // *Vibra.ru* : библиотека российских авторов. URL: <https://bibra.ru/composition/blizko-goroda-slavyanska-pesnya-toropki/> (дата обращения: 20.04.2023).
- Бурик В. И., Шелестюк В. Г.* Жаргон преступников: Лексико-фразеологический словарь-справочник. Киев : Ред.-изд. отдел МВД УССР, 1979.
- Бурцев, 1902 — Обзор русского народного быта Северного края : в 3 т. / собр. А. Е. Бурцев. Т. 2. СПб. : Тип. И. Ефрона, 1902.
- Виноградов Н. Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы. СПб. : И. Н. Кушнерев и К°, 1907. ВКонтакте : социальная сеть. URL: <https://m.vk.com> (дата обращения: 20.03.2023).
- Выслоўі, 1979 — Выслоўі / склад., сістэм. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. М. Я. Грынבלата ; рэд. А. С. Фядосік. Мінск : Навука, 1979.
- ГВЛ — Галицко-Волынская летопись / подгот. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачевой // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понько. Т. 5 : XIII в. СПб. : Наука, 1997. С. 184–357.
- Господарев, 1941 — Сказки Филиппа Павловича Господарева / общ. ред. и предисл. М. К. Азодовского. Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1941.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
- Дева Дуная (опера) // Википедия : свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дева_Дуная_\(опера\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дева_Дуная_(опера)) (дата обращения: 20.04.2023).
- Добровольский, 1914 — Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914.
- ДСБ — Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. М. М. Аляхновіч і інш. Мінск : Навука і тэхніка, 1989.

- Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. 2. М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1878.
- Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. : Изд. М. Березина, 1880.
- Зайка А.* Дьялектны слоунік Косаўшчыны. Слонім : Слоні́мская друкарня, 2011.
- ЗВЧ — Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под ред. А. Б. Мороза. М. : ФОРУМ ; Неолит, 2012.
- Ивин, Иван Семенович // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ивин,_Иван_Семёнович (дата обращения: 20.04.2023).
- Карачун (персонаж) // Википедия : свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Карачун_\(персонаж\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Карачун_(персонаж)) (дата обращения: 20.04.2023).
- Кассиров, 1895 — Сказка об Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и злом волшебнике Карачуне И. Кассирова. М. : Тип. Т-ва Сытина, 1895.
- Кондратьев С.* Русские народные песни в обработке для голоса с ф.-п. Тетрадь 1. М. ; Л. : Музгиз, 1944.
- Левшин В. А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях. Сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывание. Приключения. Ч. 1. М. : Унив. тип. у Н. Новикова, 1780.
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета).
- Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков. Владивосток : Тип. Н. В. Ремезова, 1904.
- Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2002–2003.
- МДСБ — *Сіреда П.* Матэрыялы для дьялектнага слоўніка Брэстчыны. Мінск : Навука, 1977.
- Молотилов А.* Говор русского старожилго населения северной Барабы (Каинского у. Томской губ.): материалы для сибирской диалектологии // Труды Томского общества изучения Сибири. Т. 2, вып. 1. Томск : Печатня С. П. Яковлева, 1913. С. 33–218.
- Наумов И. Ф.* Дополнения и заметки И. Ф. Наумова к Толковому словарю Даля. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1874.
- Нордстет И.* Российский с немецким и французским переводами словарь : в 2 ч. СПб. : Тип. И. К. Шнора, 1780–1782.
- НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова ; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- НСДЗ — Народный скарбы: Дьялекталагічны зборнік (да 80-годдзя А. А. Крывіцкага) / рэд. Л. П. Кунцэвіч. Мінск : Права і эканоміка, 2008.
- Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок : у 2 ч. Київ : Наукова думка, 1984.
- Островский А. Н.* Словарь (Материалы для словаря русского народного языка) // Островский А. Н. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 13 : Художественные произведения. Критика. Дневники. Словарь 1843–1886 / сост. А. И. Ревякин. М. : Худож. лит., 1952. С. 305–361.
- Попов М. И.* Славянские древности, или приключения славянских князей. СПб. : Тип. Мор. кадет. корпуса, 1770.
- Попроцкий, 1864 — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба (Калужская губерния) / сост. М. Попроцкий. Ч. 2. СПб. : Тип. Э. Веймара, 1864.

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / редкол. Б. А. Ларин и др. Л. ; СПб. : Изд-во Ленингр. ун-та : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967—. Вып. 1—.
- Приемышева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX века : в 2 ч. СПб. : Нестор-История, 2009.
- ПСРЛ, 1929 — Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией Академии наук СССР. Т. 4. Ч. 1 : Новгородская четвертая летопись. Вып. 3 / подгот., ред. Ф. И. Покровский. Л. : Изд-во АН СССР, 1929.
- ПСРЛ, 1998 — Полное собрание русских летописей. Т. 2 : Ипатьевская летопись / изд. подгот. А. А. Шахматов. М. : Языки русской культуры, 1998.
- Ремизов А. М.* Корочун // Золотое руно. 1906. № 10. URL: <https://shkolnaiapora.ru/literaturnoe-shtenie/remizov-aleksej-mixajlovich/korochun.html> (дата обращения: 20.04.2023).
- РКЖБН — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии / сост. И. И. Шангина, Е. Л. Мадлевская. СПб. : Деловая полиграфия, 2004 ; Т. 3 : Калужская губерния / авт.-сост. И. И. Шангина. СПб. : Деловая полиграфия, 2005 ; Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 1 : Вельский и Вологодский уезды / авт.-сост. Т. А. Зимина ; Ч. 3 : Никольский и Сольвычегодский уезды / авт.-сост. Д. А. Баранов, О. Г. Баранова. СПб. : Деловая полиграфия, 2007 ; Т. 7 : Новгородская губерния. Ч. 1 : Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды / сост. О. Г. Баранова и др. СПб. : Деловая полиграфия, 2011.
- РФ — *Бирих А. К., Мокленко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология : историко-этимологический словарь. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005.
- САР — Словарь Академии Российской (1789–1794) : в 6 т. М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.
- Сахаров А. И.* Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1900. Т. 68, № 5. С. 1–48.
- СДГВО — *Кудряшова Р. И., Брысина Е. В., Супрун В. И.* Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / под ред. Р. И. Аванесова и др. М. : Русский язык, 1988—. Т. 1—.
- СИК — Сказки Ивана Ковалева / сост. Н. В. Морохин. Нижний Новгород : Кварц, 2019.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / ред. С. Г. Бархударов и др. Л. ; СПб. : Наука, 1984—. Вып. 1—.
- СлРЯ ИАН — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / под ред. Д. К. Зеленина и др. : в 9 т. СПб. : Тип. Акад. наук, 1891–1930.
- Смирнов И. Т.* Кашинский словарь. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1901.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГПриб — Словарь русских говоров Прибайкалья : в 4 вып. / отв. ред. Ю. И. Кашевская. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986–1989.
- СРГЦКК — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края : в 5 т. / под ред. О. В. Фельде (Борхвальдт), С. П. Васильевой. Красноярск : КГПУ, 2003–2010.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43—). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

- ССУМ XIV–XV — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. : у 2 т. / укл. Д. Г. Гринчишин, У. Я. Єдлінська, В. Л. Карпова, І. М. Керницький, Л. М. Полюга, Р. Й. Керста, М. Л. Худаш. Київ : Наукова думка, 1977.
- СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1847.
- ТС — Тураўскі слоўнік : у 5 т. / уклад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск, 1982–1987.
- ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Языки славянской культуры, 2017.
- ТФ — Тамбовский фольклор / вступ. ст. Г. Терентьева ; ред. и предисл. Ю. М. Соколова, Э. В. Гофман. Тамбов : Тамбовская правда, 1941.
- Харитонов Е.* Истории о богатырях славенских // Территория : газета Российской государственной библиотеки для молодежи. 04.08.2015. URL: <https://gazetargub.ru/?p=1565> (дата обращения: 20.04.2023).
- Шведова, Куркина, 2008 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова ; автор этимологических зон словарных статей Л. В. Куркина. М. : Азбуковник, 2011.
- Шмитановский В.* Сказка о злом волшебнике Карачуне или заколдованной красавице. М. : В тип. А. Смирновой, 1865.
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб. : Типо-лит. И. А. Ефрона, 1890–1907.
- Юрчанка Г. Ф.* І сячэ і паліць (Устойливыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны). Мінск : Навука і тэхніка, 1974.
- ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.
- Discogs — Русские народные песни: Народный хор села Репинка Белгородская область, Народный хор села Подбужье Калужская область // Discogs. URL: <https://www.discogs.com/ru/master/1844638-Народный-хор-села-Репинка-Белгородская-область-Народн> (дата обращения: 20.04.2023).
- Mooser R. A.* Annales de la musique et les musiciens en Russie au XVIII siecle. T. 2. Geneve : Mont-Blanc, 1948.

Исследования

- Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М. : Индрик, 2010.
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М. : Индрик, 1994.
- Барболова Е.* *Крачун* // Барболова Е. Энциклопедия на персонажите в българската митология. София : Наука и изкуство, 2020. С. 334–337.
- БЕР — Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София : Изд-во на Българската академия на науките, 1971–. Т. 1–.
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава проклятий: Категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.
- Бессонов П.* Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. Вып. 1. М. : Тип. Бахметева, 1871.
- Богатырев П. Г.* Народная культура славян / сост. Е. С. Новик, Б. С. Долгин ; под общ. ред. Е. С. Новик. М. : ОГИ, 2007.

- Валенцова М. М. Карачун // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М. : Международные отношения, 1999. С. 468–469.
- Валенцова М. М. Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2016.
- Валодзіна Т. В. Карачун // Беларуская міфалогія : энцыклапед. слоўн. / навук. рэд. С. Санько. Мінск : Беларусь, 2006. С. 229.
- Валодзіна Т. В. Цела чалавека: слова, міф, рытуал. Мінск : Тэхналогія, 2009.
- Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. VI–X. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1883.
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Веник (метла) в обрядах и верованиях // Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. С. 70–96.
- Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб. : Северо-Запад, 1995.
- Войтович В. Українська міфологія. Київ : Либідь, 2002.
- Ганцовская Н. С. Костромские говоры : в 2 т. / отв. ред. Г. Д. Неганова. Кострома : Изд-во КГУ, 2018. Т. 2.
- Гиндин Л. А., Орел В. Э. Ранние этноязыковые контакты славян на Балканах и лексика южных славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья / отв. ред. В. Э. Королюк. М. : Наука, 1982. С. 33–48.
- Гиттис А. А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ин-т славяноведения РАН. М., 1996.
- Гура А. В., Кривошапова Ю. А. Хромота // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М. : Международные отношения, 2012. С. 471–473.
- Денисевич К. Кто и зачем придумывал древних славянских богов? // Arzamas: academy. 14.05.2015. URL: <https://arzamas.academy/materials/521> (дата обращения: 20.04.2023).
- Десницкая А. В. К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков // Славянское языкознание. VIII Междунар. съезд славистов. Доклады советской делегации (Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.) / редкол. В. И. Борковский и др. М. : Наука, 1978а. С. 145–171.
- Десницкая А. В. О ранних балкано-восточнославянских лексических связях // Вопросы языкознания. 1978б. № 2. С. 42–51.
- Дзюба Е. М. Поэтика вымысла в романах о «Славянских древностях» М. Д. Чулкова, М. И. Попова, В. А. Левшина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 147–150.
- Долгушина М. Антонолини Фердинандо (2-я половина XVIII века — 1824) // Opera musicologica. 2014. № 3 (21). С. 63–75.
- Едалина А. А. Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качества человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : в 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.
- Жайворонок В. Знаки української етнокультури : словник-довідник. Київ : Довіра, 2006.
- Живов В. М. История языка русской письменности : в 2 т. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 1.
- Золтан А. Древнерусское слово *корочюнь* и русский фразеологизм *карачун ему пришел* // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко / отв. ред. М. Алексеенко, Х. Вальтер. М. : ЭЛПИС, 2005. С. 76–80.

- Зорина Л. Ю.* Дневники студенческих диалектологических экспедиций: особенности жанра и типология текстов // Севернорусские говоры. Вып. 14 / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 287–311.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Карачун // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1991. Т. 2. С. 623.
- ИГРЯ — Историческая грамматика русского языка : энцикл. сл. / под ред. В. Б. Крысько. М. : Азбуковник, 2020.
- Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси / сост., предисл., прим. А. Д. Каплина ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2013.
- Килимник С.* Український рік у народніх звичаях в історичному освітленні. Т. 1 : Зимовий цикл. Вінніпег ; Торонто : Український національний видавничий комітет, 1964.
- Киркор А.* Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : в 12 т., 19 кн. / под общ. ред. П. П. Семенова. Т. 3, ч. 2 : Белорусское Полесье. СПб. : М. О. Вольф, 1882.
- Климкова Л. А.* Микроантропонимия как составная часть региональной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994 / ред. А. С. Герд. СПб. : ИЛИ РАН, 1996. С. 104–114.
- Ковригина Е. А.* Семантическое поле 'БОЛЕЗНЬ' в пространстве диалекта (на материале архангельских говоров) : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Моск. гос. ун-т. М., 2022.
- Козлова Р. М.* Образование с корнем **(s)kork-/*(s)korč* в славянских языках // Этимология. 1982 / под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М. : Наука, 1985. С. 47–53.
- Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. Нижний Новгород : КиТиздат, 1999.
- Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Крачун // Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд : НОЛИТ, 1970. С. 186–187.
- Левкиевская Е. Е.* Семантика славянских вербальных апотропеев (белорусская традиция) // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы / под ред. В. Н. Топорова. М. : Индрик, 1995. С. 260–302.
- Лызлова А. С.* Сезонный персонаж — похититель женщин в русской волшебной сказке Карелии: к семантике образа Карачуна // Рябининские чтения — 2007 : материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск : Кижы, 2007. С. 350–352.
- Максимов, 1890 — Крылатые слова по толкованию С. Максимова. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1890.
- Назирова Р. Г.* Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце» // Фольклор народов РСФСР. Вып. 16. Уфа : БГУ, 1989. С. 31–40.
- Павлова М. Р.* Полесская терминология ткачества на общеславянском фоне : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1990.
- Петрушевич А. С.* *Корочун-Крак*: Филолого-историческое рассуждение. Львов : Тип. Ин-та Ставропигийского, 1876.
- ПЛНМ — *Никончук М. В., Никончук О. М., Мойсієнко В. М.* Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. Житомир : Полісся, 2001.
- Плотникова А. А.* Первый выгон скота в Полесье // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья / отв. ред. Н. И. Толстой. М. : Индрик, 1995. С. 108–141.
- Попович Ю. В.* Сравнительный анализ некоторых обычаев годового цикла у народов балканского и карпатского ареалов // Общекарпатский диалектологический атлас: Лингвистические и этнографические аспекты / ред. С. Б. Бернштейн. Кишинев : Штиинца, 1976. С. 141–146.

- Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка : в 3 т. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1910–1914.
- Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды : в 4 вып. М. : В Унив. тип., 1837–1839.
- Снегирев И.* О лубочных картинках русского народа. М. : Тип. Августа Семена, 1844.
- Соколов М. Е.* Старорусские солнечные боги и богини: Историко-этнографическое исследование М. Соколова. Симбирск : Тип. А. Т. Токарева, 1887.
- Соловьев С.* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие. М., 1850.
- Сосенко К.* Культурно-історична постать староукраїнських свят Різдва і Щедрого вечера. Львів : Накладом автора, 1928.
- Страхов А. Б.* Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, Massachusetts : Palaeoslavica, 2003.
- Строев П.* Краткое обозрение мифологии славян российских. М. : Тип. С. Селивановского, 1815.
- Сухачев Н. Л.* Семантика слова и его этимология: рум. *Crăciun* ‘Рождество’ // *Hrđá mánasā* : сб. ст. к 70-летию со дня рождения проф. Л. Г. Герценберга / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : Наука, 2005. С. 285–300.
- Терещенко А. В.* Быт русского народа : в 7 ч. СПб. : Тип. МВД, 1848.
- Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.
- Топорков А. Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М. : Индрик, 1997.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.
- Хомяков А. С.* Сравнение русских слов с санскритскими. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1855.
- Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983.
- Шапошников А. К.* *Крачун* и *Коляда*. Истоки славянской традиции. Этимологический и культурологический аспекты // Вестник Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. Сер. 1(6) : Социальные и гуманитарные науки. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. Вып. 2. С. 199–208.
- Шеппинг Д. О.* Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2012.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. : МОНФ, 1997.
- Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 1–9. Heidelberg : Carl Winter’s Universitätsbuchhandlung, 1908–1913.
- ERHJ — *Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D.* Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 1. Zagreb : Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016.
- Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb : August Cesarec, 1993.
- Kerd’o J.* Je *kračún* latinsko-románskeho pôvodu? // *Slavica Slovaca*. 2002. T. 27, № 2. S. 144–147.
- Miklosich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien : W. Braumüller, 1886.
- Orel V.* Russian Etymological Dictionary. Vols. 1–2. Canada : Octavia & Co. Press, 2007.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb : Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971–1974.

ÚMES — Új magyar etimológiai szótár. URL: <https://uesz.nytud.hu/index.html> (date of access: 20.03.2023).

Рукопись поступила в редакцию 16.05.2023

Рукопись принята к печати 01.06.2023

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

арзамас.	арзамасские говоры Нижегородской области	нерехт.	нерехтские говоры Костромской области
арх.	архангельские говоры русского языка	нижегор.	нижегородские говоры русского языка
бойк.	бойковские говоры украинского языка	новг.	новгородские говоры русского языка
болх.	болховские говоры Орловской области	общеслав.	общеславянский язык
брест.	брестские говоры белорусского языка	оренб.	оренбургские говоры русского языка
в.-уст.	великоустюжские говоры Вологодской области	орл.	орловские говоры русского языка
влад.	владимирские говоры русского языка	перм.	пермские говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	полес.	украинские говоры Полесья
ворон.	воронежские говоры русского языка	праслав.	праславянский язык
вост.-слав.	восточнославянские языки	прибайк.	русские говоры Прибайкалья
вят.	вятские говоры русского языка	пск.	псковские говоры русского языка
дон.	русские говоры бассейна р. Дон	ряз.	рязанские говоры русского языка
зabayк.	русские говоры Забайкалья	сев.-рус.	севернорусские говоры русского языка
казан.	русские говоры Казани	сиб.	русские говоры Сибири
калуж.	калужские говоры русского языка	симб.	симбирские говоры русского языка
костр.	костромские говоры русского языка	смол.	смоленские говоры русского языка
краснояр.	красноярские говоры русского языка	соликам.	соликамские говоры русского языка
макар.	макарьевские говоры Костромской области	ст.-блр.	старобелорусский язык
могилев.	могилевские говоры белорусского языка	ст.-польск.	старопольский язык
моск.	московские говоры русского языка	ст.-укр.	староукраинский язык
		тамб.	тамбовские говоры русского языка
		твер.	тверские говоры русского языка
		том.	томские говоры русского языка
		тул.	тульские говоры русского языка
		туров.	туровские говоры белорусского языка

урал.	уральские говоры русского языка	юж.-слав.	южнославянские языки
чкалов.	чкаловские говоры русского языка	яросл.	ярославские говоры русского языка
Прочие			
без указ. м.	без указания места фиксации	собир.	собираТЕЛЬный

* * *

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук,
 член-корреспондент РАН,
 заведующая кафедрой русского языка,
 общего языкознания
 и речевой коммуникации
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
 E-mail: berezovich@yandex.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна

кандидат филологических наук,
 старший научный сотрудник
 топонимической лаборатории
 кафедры русского языка, общего
 языкознания и речевой коммуникации
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
 научный сотрудник отдела диалектологии
 и лингвогеографии
 Институт русского языка
 им. В. В. Виноградова РАН
 121019, Москва, Волхонка, 18/2
 E-mail: surok62@mail.ru

Berezovich, Elena Lvovna

DrHab, Corresponding Member of the Russian
 Academy of Sciences, Head of the Department
 of Russian Language, General Linguistics
 and Verbal Communication
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
 Email: berezovich@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

Surikova, Olesya Dmitrievna

PhD, Senior Researcher, Toponymic
 Laboratory of the Department of Russian
 Language, General Linguistics
 and Verbal Communication
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
 Research Fellow, Department of Dialectology
 and Linguistic Geography
 Vinogradov Russian Language Institute
 of the RAS
 18/2, Volkhonka Str., 121019 Moscow, Russia
 Email: surok62@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

Elena L. Berezovich***Olesya D. Surikova****

*Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

**Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

Vinogradov Russian Language Institute of the RAS

Moscow, Russia

**WHO IS THE EAST SLAVIC *KARACHUN*?
(WORD, NAME, CHARACTER)**

The paper explores the origin and semantics of the word *karachun* (*korochun*) having a vast specter of meanings in East Slavic languages (including Russian). It could mean ‘death’ (especially sudden and violent); serious illness’, ‘the end as a negative result, cessation, exhaustion of something’, ‘evil eye’, ‘evil spirit’; something that carries the idea of “crookedness, bentness” (‘crooked leg, stoop’ in Belarusian dialects, ‘hunched posture, crawling’ in Russian); ‘miser’ and material meanings — ‘crooked tree’, ‘old broom’ (Belarusian dialects). Apart from that, *karachun* and its phonetic variants have calendar semantics (‘day of the winter solstice’, ‘Christmas holidays (in general)’, ‘Christmas bread’, ‘Christmas tree’, etc.), however, these are mostly spread in the Carpathian-Balkan area and seldom occur in Russian. The authors hypothesize that *Karachun*₁ ‘death, etc.’ and *Karahun*₂ ‘calendar term’ go back to two heterogeneous homonyms: *Karachun*₁ < Proto-Slavic **kъrčiti* ‘to bend, to writh’ < **kъrčь* / **kъrča* ‘convulsions, spasm’; *karachun*₂ < ? Albanian *kërcun* (< **karcun*) ‘block, stump of a tree’. In addition, the article examines the word *karachun* from the onomastic perspective — as a name of the mythological character that occurs both in scientific and popular literature and is believed to be an ancient Slavic deity. However, the authors argue that this one is a product of “armchair” mythologists (researchers of the 19th–21st centuries) and the result of an uncritical attitude to sources. In fact, this name belongs to the antagonist of the novel by Mikhail Popov (1770), that was replicated in the popular tales of the 18th century, from which it then migrated to the oral folk tradition (but did not become “active” there).

Key words: etymology; motivational reconstruction; historical lexicology; history of science; East Slavic languages; dialect vocabulary; mythonymy; theonymy; folklore onomasticon; folklore language

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439>).

Afanasyev, A. N. (1994). *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu* [Poetic Views of the Slavs on Nature] (Vols. 1–3). Moscow: Indrik.

Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Spells in Comparative Light: Plot and Image of the World]. Moscow: Indrik.

- Barbolova, E. (2020). *Entsiklopediia na personazhite v b''lgarskata mitologiia* [Encyclopedia of Characters in Bulgarian Mythology]. Sofia: Nauka i izkustvo.
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2018). K rekonstruktsii leksicheskogo sostava proklatiit: Kategorii aktora i osobennosti ee realizatsii v tekstakh (na materiale russkikh narodnykh govorov) [On the Reconstruction of the Lexical Composition of Curses: The Category of the Actor and Features of its Implementation in Texts (with Reference to Russian Folk Dialects)]. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 89–111.
- Berneker, E. (1908–1913). *Slavisches etymologisches Wörterbuch* (Vols. 1–9). Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Bessonov, P. (1871). *Belorusskie pesni s podrobnymi ob''iasneniiami ikh tvorchestva i iazyka, s ocherkami narodnogo obriada, obychai i vsego byta* [Belarusian Songs with Detailed Explanations of Their Creativity and Language, with Essays on Folk Rites, Customs and Everyday Life] (Iss. 1). Moscow: Tip. Bakhmeteva.
- Bogatyrev, P. G. (2007). *Narodnaia kul'tura slavian* [Slavic Folk Culture]. Moscow: OGI.
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologicheskai leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izd-vo LGU.
- Denisevich, K. (2015). *Kto i zchem pridumyval drevnikh slavianskikh bogov?* [Who and Why Invented the Ancient Slavic Gods?]. Retrieved from <https://arzas.academy/materials/521> (accessed on 20.04.2023).
- Desnitskaya, A. V. (1978a). K voprosu o balkanizmakh v leksike vostochnoslavianskikh iazykov [On the Balkanisms in the Vocabulary of East Slavic Languages]. In V. I. Borkovsky et al. (Eds.), *Slavianskoe iazykoznanie. VIII Mezhdunar. s''ezd slavistov. Doklady sovetsoi delegatsii (Zagreb — Liubliana, sentiabr' 1978 g.)* [Slavic Linguistics. The 8th International Congress of the Slavists. Reports of the Soviet Delegation (Zagreb — Ljubljana, September 1978)] (pp. 145–171). Moscow: Nauka.
- Desnitskaya, A. V. (1978b). O rannikh balkano-vostochnoslavianskikh leksicheskikh svyaziakh [On Early Balkan–East Slavonic Lexical Relations]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 42–51.
- Dolgushina, M. (2014). Antonolini Ferdinando (2-ia polovina XVIII veka — 1824) [Antonolini Ferdinando (2nd Half of the 18th Century — 1824)]. *Opera musicologica*, 3, 63–75.
- Dzyuba, E. M. (2014). Poetika vymysla v romanakh o «Slavianskikh drevnostiakh» M. D. Chulkova, M. I. Popova, V. A. Levshina [Poetics of Fiction in the Novels about “Slavic Antiquities” by M. D. Chulkov, M. I. Popov, V. A. Levshin]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2, 147–150.
- Edalina, A. A. (2016). *Semantiko-motivatsionnaia organizatsiia leksicheskogo mnozhestva «Kachestva cheloveka po otnosheniiu k sobstvennosti» (na materiale russkikh narodnykh govorov)* [Motivational Semantic Structure of the Lexical Set ‘Personal Traits in Relation to Property’ (Based on Russian Folk Dialects)] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Filin, F. P. (1973). O strukture sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka [On the Structure of the Modern Russian Literary Language]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 3–12.
- Gantsovskaya, N. S. (2018). *Kostromskie govory* [Dialects of the Kostroma Region] (Vol. 2). Kostroma: KGU Press.
- Georgiev, V. I. (Ed.). (1971–). *B''lgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary] (Vol. 1–). Sofia: Izd-vo na B''lgarskata akademiia na naukite.
- Gindin, L. A., & Orel, V. E. (1982). Rannie etnoiazykovye kontakty slavian na Balkanakh i leksika iuzhnykh slavian [Early Ethnolinguistic Contacts of the Slavs in the Balkans and the Vocabulary

- of the South Slavs]. In V. E. Koroliuk (Ed.), *Razvitie etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu rannego Srednevekov'ia* [The Development of Ethnic Self-consciousness of the Slavic Peoples in the Early Middle Ages] (pp. 33–48). Moscow: Nauka.
- Gippius, A. A. (1996). *Lingvo-tekstologicheskoe issledovanie Sinodal'nogo spiska Novgorodskoi pervoi letopisi* [Linguistic and Textological Study of the Synodal List of the Novgorod First Chronicle] (Doctoral dissertation summary). Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow.
- Gluhak, A. (1993). *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb: August Cesarec.
- Gura, A. V., & Krivoshchapova, Yu. A. (2012). Khromota [Lameness]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 5, pp. 471–473). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Ivanov, V. V., & Toporov, V. N. (1991). Karachun. In S. A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira: entsiklopediia* [Myths of the Peoples of the World: An Encyclopedia] (Vol. 2, p. 623). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Kalinsky, I. P. (2013). *Tserkovno-narodnyi mesiatseslov na Rusi* [Clerical and Popular Calendar Names in Rus']. Moscow: In-t russkoi tsivilizatsii.
- Kerd'o, J. (2002). Je *kračún* latinsko-románskeho pôvodu? *Slavica Slovaca*, 27(2), 144–147.
- Khomyakov, A. S. (1855). *Sravnienie russkikh slov s sanskritskimi* [Comparison of Russian Words with Sanskrit Ones]. St Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Kilimnik, S. (1964). *Ukrains'kii rik u narodnikh zvichaiakh v istorichnomu osvittenni* [Ukrainian Year in Folk Beliefs: A Historical Aspect] (Vol. 1). Vinnipeg; Toronto: Ukrains'kii natsional'nii vidavnicхий komitet.
- Kirkor, A. (1882). *Zhivopisnaia Rossiia: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia: Our Fatherland in its Territorial, Historical, Tribal, Economic and Everyday Sense] (Vol. 3, Iss. 2). St Petersburg: M. O. Wolf.
- Klimkova, L. A. (1996). Mikroantroponimiia kak sostavnaia chast' regional'noi leksiki [Microanthroponymy as an Integral Part of Regional Vocabulary]. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskaia atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia). 1994* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research). 1994] (pp. 104–114). St Petersburg: ILI RAN.
- Korepova, K. E. (1999). *Russkaia lubochnaia skazka* [Russian Popular Tale]. Nizhny Novgorod: KiTizdat.
- Kovrigina, E. A. (2022). *Semanticheskoe pole 'BOLEZN'' v prostranstve dialekta (na materiale arkhangel'skikh govorov)* [Semantic Field 'DISEASE' in the Space of a Dialect (Based on Arkhangel'sk Dialects)] (Doctoral dissertation). Moscow State University, Moscow.
- Kozlova, R. M. (1985). Obrazovanie s kornem *(s)kork-/*(s)korč v slavianskikh iazykakh [Derivatives with the Root *(s)kork-/*(s)korč in Slavic Languages]. In Zh. Zh. Varbot et al. (Eds.), *Etimologiya. 1982* [Etymology 1982] (pp. 47–53). Moscow: Nauka.
- Krysko, V. B. (2020). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.
- Kulishich, Sh., Petrovich, P. Zh., & Pantelich, N. (1970). *Srpski mitoloshki rechnik* [Serbian Mythological Dictionary]. Beograd: NOLIT.
- Levkievskaya, E. E. (1995). Semantika slavianskikh verbal'nykh apotropееv (belorusskaia traditsiia) [Semantics of Slavic Verbal Apotropaea (Belarusian Tradition)]. In V. N. Toporov (Ed.), *Etnoiazykovaia i etnokul'turnaia istoriia Vostochnoi Evropy* [Ethnolinguistic and Ethnocultural History of Eastern Europe] (pp. 260–302). Moscow: Indrik.

- Lyzlova, A. S. (2007). Sezonnyi personazh — pokhittel' zhenshchin v russkoi volshebnoi skazke Karelii: k semantike obraza Karachuna [Seasonal Character — the Kidnapper of Women in the Russian Fairy Tale of Karelia: To the Semantics of the Image of Karachun]. In T. G. Ivanova (Ed.), *Riabininskie chteniia — 2007: materialy V nauch. konf. po izucheniiu narodnoi kul'tury Russkogo Severa* [Ryabiniin Readings — 2007: Proceedings of the Conference for the Study of Folk Culture of the Russian North] (pp. 350–352). Petrozavodsk: Kizhi.
- Maksimov, S. (1890). *Krylatye slova po tolkovaniiu S. Maksimova* [Bywords in S. Maksimov's Interpretation]. St Petersburg: Izd. A. S. Suvorina.
- Matasović, R., Pronk, T., Ivšić, D., & Brozović Rončević, D. (2016). *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika* [The Etymological Dictionary of the Croatian Language] (Vol. 1). Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Melnichuk, O. S. (Ed.). (1982–2012). *Etimologichnii slovník ukrains'koi movi* [An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language] (Vols. 1–6). Kyiv: Naukova dumka.
- Miklosich, Fr. (1886). *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien: W. Braumüller.
- Nazirov, R. G. (1989). Istoki siuzheta “Kashcheeva smert' v iaitse” [The Origins of the Plot “Kashchey's Death in the Egg”]. In *Fol'klor narodov RSFSR* (Iss. 16, pp. 31–40). Ufa: BGU.
- Nikonchuk, M. V., Nikonchuk, O. M., & Moisienko, V. M. (2001). *Polis'ka leksika narodnoi meditsini ta likuval'noi magii* [The Vocabulary of Popular Medicine and Medical Magic in Polesia]. Zhitomir: Polissia.
- Orel, V. (2007). *Russian Etymological Dictionary* (Vols. 1–2). Canada: Octavia & Co. Press.
- Pavlova, M. R. (1990). *Poleskaia terminologija tkachestva na obshchoslavianskom fone* [Polesian Terminology of Weaving on the Common Slavic Background] (Doctoral dissertation). Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow.
- Preobrazhchikov, A. S. (1876). *Korochun-Krak: Filologo-istoricheskoe rassuzhdenie* [Korochun-Krak: Philological and Historical Essay]. Lvov: Tip. In-ta Stavropigiiskogo.
- Plotnikova, A. A. (1995). Pervyi vygon skota v Poles'e [The First Pasture in Polesia]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Etnolingvisticheskoe izuchenie Poles'ia* [Slavic and Balkan Folklore: An Ethnolinguistic Study of Polesia] (pp. 108–141). Moscow: Indrik.
- Popovich, Yu. V. (1976). Sravnitel'nyi analiz nekotorykh obycheev godovogo tsikla u narodov balkanskogo i karpatskogo arealov [Slavic and Balkan Folklore: An Ethnolinguistic Study of Polesia]. In S. B. Bernstein (Ed.), *Obshchekarpatskii dialektologicheskii atlas: Lingvisticheskie i etnograficheskie aspekty* [General Carpathian Dialectological Atlas: Linguistic and Ethnographic Aspects] (pp. 141–146). Kishinev: Shtiintsa.
- Preobrazhensky, A. G. (1910–1914). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–3). Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sovko.
- Shaposhnikov, A. K. (2008). *Krachun i Koliada. Istoki slavianskoi traditsii. Etimologicheskii i kul'turologicheskii aspekty* [Krachun and Kolyada. Origins of the Slavic tradition. Etymological and Cultural Aspects]. *Vestnik Kyrgyzskogo natsional'nogo universiteta im. Zhusupa Balasagyna. Ser. 1(6): Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologija*, 2, 199–208.
- Shepping, D. O. (2012). *Russkaia narodnost' v ee pover'iakh, obriadakh i skazkakh* [Russian Nationality in its Beliefs, Rites and Fairy Tales]. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii.
- Skok, P. (1971–1974). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian or Serbian Language] (Vols. 1–4). Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti.
- Snegirev, I. (1844). *O lubochnykh kartinkakh russkogo naroda* [On Popular Art of the Russian People]. Moscow: Tip. Avgusta Semena.

- Snegirev, I. M. (1837–1839). *Russkie prostonarodnye prazdniki i suevernye obriady* [Russian Folk Holidays and Superstitious Rites] (Vols. 1–4). Moscow: V Univ. tip.
- Sokolov, M. E. (1887). *Staroruskie solnechnye bogi i bogini: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie M. Sokolova* [Old Russian Solar Gods and Goddesses: A Historical and Ethnographic Study by M. Sokolov]. Simbirsk: Tip. A. T. Tokareva.
- Solovyev, S. (1850). *Ocherk nraov, obychaev i religii slavian, preimushchestvenno vostochnykh, vo vremena iazycheskie* [Essay on the Morals, Customs and Religion of the Slavs, Mostly Eastern, in Pagan Times]. Moscow: [s.n.].
- Sosenko, K. (1928). *Kul'urno-istorichna postat' staroukraiins'kikh sviat Rizdva i Shchedrogo vechera* [The Historical and Cultural Status of the Old Ukrainian Holidays of Christmas and Malanka]. Lviv: Nakladom avtora.
- Strakhov, A. B. (2003). *Noch' pered Rozhdestvom: narodnoe khristianstvo i rozhdestvenskaia obriadnost' na Zapade i u slavian* [The Night before Christmas: Folk Christianity and Christmas Rituals in the West and among the Slavs]. Cambridge, Massachusetts: Palaeoslavica.
- Stroev, P. (1815). *Kratkoe obozrenie mifologii slavian rossiiskikh* [Brief Review of the Mythology of the Russian Slavs]. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo.
- Sukhachev, N. L. (2005). Semantika slova i ego etimologiya: rum. *Crăciun* 'Rozhdestvo' [Semantics and Etymology of the Romanian Word *Crăciun* 'Christmas']. In N. N. Kazansky (Ed.), *Hrdá mánasā: sb. st. k 70-letiiu so dnia rozhdeniia prof. L. G. Gertsenberga* [Collected Articles to the 70th Anniversary of Prof. L.G. Gertsenberg] (pp. 285–300). St Petersburg: Nauka.
- Tereshchenko, A. V. (1848). *Byt russkogo naroda* [Everyday Life of the Russian People] (Vols. 1–7). St Petersburg: Tip. MVD.
- Tokarev, S. A. (2012). *Religioznye verovaniia vostochnoslavianskikh narodov XIX — nachala XX veka* [Religious Beliefs of the East Slavic Peoples of the 19th — Early 20th Century] (2nd ed.). Moscow: LIBROKOM.
- Toporkov, A. L. (1997). *Teoriia mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka* [Myth Theory in Russian Philology of the 19th Century]. Moscow: Indrik.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Új magyar etimológiai szótár*. Retrieved from <https://uesz.nyttud.hu/index.html> (accessed on 20.03.2023).
- Valentsova, M. M. (1999). Karachun. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 2, pp. 468–469). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Valentsova, M. M. (2016). *Narodnyi kalendar' chekhov i slovakov. Etnolingvisticheskii aspekt* [Folk Calendar of Czechs and Slovaks. An Ethnolinguistic Aspect]. Moscow: Indrik.
- Valodzina, T. V. (2006). Karachun. In S. Sanko (Ed.), *Belaruskaiia mifalogiia* [Belarusian Mythology: An Encyclopedia] (p. 229). Minsk: Belarus'.
- Valodzina, T. V. (2009). *Tsela chalaveka: slova, mif, ritual* [Human Body: Words, Myths, Rites]. Minsk: Tekhnalogiia.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Veselovsky, A. N. (1883). *Razyskaniia v oblasti russkogo dukhovnogo stikha. VI–X* [Studies in the Russian Spiritual Verse. 6–10]. St Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Vinogradova, L. N., & Tolstaya, S. M. (2010). Venik (metla) v obriadakh i verovaniiaxh [Broom in Rituals and Beliefs]. In S. M. Tolstaya (Ed.), *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury:*

- Ocherki po slavianskoi etnolingvistike* [Semantic Categories of the Language of Culture: Essays in Slavic Ethnolinguistics] (pp. 70–96). Moscow: LIBROKOM.
- Vlasova, M. (1995). *Novaia ABEVEGA russkikh sueverii* [New ABEVEGA of Russian Superstitions]. St Petersburg: Severo-Zapad.
- Voytovich, V. (2002). *Ukrains'ka mifologiiia* [Ukrainian Mythology]. Kyiv: Libid'.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov: Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klore* [Onomasticon of Russian Charms: Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow: MONF.
- Zhaivoronok, V. (2006). *Znaki ukrains'koi etnokul'turi: slovník-dovidnik* [Signs of Ukrainian Ethnic Culture: A Dictionary]. Kyiv: Dovira.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* [History of the Language of Russian Writings] (Vol. 1). Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke.
- Zoltan, A. (2005). Drevnerusskoe slovo *korochiun*” i russkii frazeologizm *karachun emu prishel* [The Old Russian Word *Korochoyūn*” and the Russian Saying *Karachun Came to Him*]. In M. Alekseenko, & H. Walter (Eds.), *Grani slova: sb. nauch. st. k 65-letiiu prof. V. M. Mokiienko* [Facets of the Word: Collected Articles to the 65th Anniversary of Prof. V. M. Mokiienko] (pp. 76–80). Moscow: ELPIS.
- Zorina, L. Yu. (2015). Dnevniky studencheskikh dialektologicheskikh ekspeditsii: osobennosti zhanra i tipologiiia tekstov [Diaries of Student Dialectological Expeditions: Features of the Genre and Typology of Texts]. In A. S. Gerd, & E. V. Puritskaya (Eds.), *Severnorusskie govory* [North-Russian Dialects] (Iss. 14, pp. 287–311). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Received on 16 May 2023

Accepted on 1 June 2023